

**Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

**Малева Т.М., Авраамова Е.М., Кириллова М.К.,
Бурдяк А.Я., Тындик А.О., Гришина Е.Е.,
Логинов Д.М., Елисеева М.А.**

**СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ МОНИТОРИНГОВОЕ
ОБСЛЕДОВАНИЕ ЗАРАБОТНЫХ ПЛАТ, ДОХОДОВ,
БЕДНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО НЕРАВЕНСТВА**

Москва 2014

Аннотация. Проблема социально-экономического неравенства российского населения – его природы, масштабов и перспектив сокращения – относится к наиболее острым вопросам, задающим контуры современной социальной политики. Несмотря на сугубую актуальность предмета исследования и обращения к нему целого ряда отечественных и зарубежных специалистов, имеется немало лакун, связанных как с недостаточностью имеющихся методологических подходов, так и с непроясненностью закономерностей, описывающих сложившуюся на данный момент социально-экономическую диспозицию.

Настоящее исследование, целью которого является разработка и апробация в пилотном режиме мониторинга социального неравенства российского населения в разрезе его основных экономических категорий (доходов и зарплаты), реализована на основе концептуального подхода, в основе которого лежит идея выделения и анализа концентрации признаков социальных слоев..

Данная работа подготовлена на основе материалов научно-исследовательской работы, выполненной в соответствии с Государственным заданием РАНХиГС при Президенте Российской Федерации на 2013 год.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	4
1 Теоретико-методологические контуры исследования	6
2 Социально-демографические характеристики выборочной совокупности	16
3 Материально-имущественные характеристики	20
3.1 Индивидуальные денежные доходы респондентов	20
3.2 Денежные доходы домохозяйства	22
3.3 Потребительский статус и желаемый доход домохозяйства	24
3.4 Сбережения	28
3.5 Имущественная обеспеченность	31
3.6 Жилищная обеспеченность	32
4 Экономическая активность и занятость	37
4.1 Характеристики экономической активности, занятости, безработицы: результаты обследования	37
4.2 Основные тенденции в сфере занятости и оплаты труда в России, заработная плата и кадровые процессы в отраслях социальной сферы	44
5 Социальные ресурсы сокращения неравенства	57
5.1 Ресурсные функции образования	57
5.2 Ресурсная роль социальных связей	66
6 Перспективы социальной мобильности в направлении сокращения социально-экономического неравенства	73
Заключение	81
Список литературы	82

Введение

Проблема социально-экономического неравенства российского населения – его природы, масштабов и перспектив сокращения – относится к наиболее острым вопросам, задающим контуры современной социальной политики. Данная проблема обычно фрагментируется и конкретизируется в различные направления исследований размеров и источников доходов населения либо в изучение определенного социального слоя (обычно слоя бедных или мало обеспеченных). Представляется, однако, что особую актуальность и интерес вызывает именно общий и комплексный характер изучения проблемы социального неравенства, так как в такой постановке становится возможным не только описание сложившейся на каждый момент социально-экономической диспозиции, но и определение перспектив развития слоев общества, выделенных по совокупности критериев, определяющих уровень жизни. В конечном итоге, комплексный подход, учитывающий целую группу показателей жизнедеятельности, включая занятость, структуру доходов и расходов, накопления, потребления и сбережений, жилищной обеспеченности, а также совокупности ресурсов и мотивов социально-экономического поведения населения в обозначенных ракурсах, позволяет представить, во-первых, социальную структуру современного общества, а, во-вторых, возможности и пределы социальной динамики в направлении сокращения избыточного социального неравенства.

Несмотря на сугубую актуальность предмета исследования и обращения к нему целого ряда отечественных и зарубежных специалистов, имеется немало лакун, связанных как с недостаточностью имеющихся методологических подходов, так и с непроясненностью закономерностей, описывающих сложившуюся на данный момент социально-экономическую диспозицию. Причем, если одни группы (бедные, средний класс) описаны достаточно выпукло, то наиболее многочисленный социальный слой (уже не бедные – еще не средние) требует более глубокого анализа по причине необходимости обнаружения причин торможения социальной динамики.

Принятый авторами подход, в основе которого лежит идея выделения и анализа концентрации признаков социальных слоев, будет опираться на следующие теоретические концепты.

Прежде всего, это теория роста благосостояния, в рамках которой наиболее распространенными на сегодняшний день направлениями исследований являются:

- подход, в основе которого лежит идея о том, что максимизация благосостояния приравнивается к максимизации факторов потребительской полезности;

- подход, основанный на выявлении деприваций, в наибольшей степени применимый к исследованию проблем бедности, определяемой через оценку лишений, понимаемых как невозможность удовлетворить какие-либо насущные потребности;
- подход с точки зрения оценки возможностей, предложенный нобелевским лауреатом А. Сеном. Здесь благосостояние индивида (группы) связывается не с полезностью и не с набором имеющихся потребительских благ, а с набором функциональных возможностей.
- ресурсный подход, в соответствии с которым возможности (см. подход А. Сена) интерпретируются как ресурсы (здоровье, образование, демографическая структура семьи) которые могут быть использованы в направлении выстраивания эффективных для данной социально-экономической реальности типов поведения. В рамках данного подхода предполагается создание инструментов определения того, в какой степени индивидуальные (групповые) социальные ресурсы могут быть реализованы в сложившейся социально-экономической (институциональной) среде с целью повышения индивидуальных (групповых) характеристик благосостояния.

Теоретическая база данного исследования должна быть дополнена стратификационными концепциями, дающими ключи к пониманию сложившейся социально-экономической диспозиции, причем в последнее время данные теории в большей степени применяются к исследованию формирования и развития среднего класса.

Еще один теоретический концепт, который следует использовать при выполнении данного проекта, заимствован из теории менеджмента и представляет собой методологию определения степени зрелости личности Криса Арджириса [Argyris, 1957], которая может быть расширена за счет переноса системы показателей с индивидуального на групповой уровень с целью выявления «зрелости» социального слоя.

1. Теоретико-методологические контуры исследования

Проблема социально-экономического неравенства российского населения – его природы, масштабов и перспектив сокращения – относится к наиболее острым вопросам, задающим контуры современной социальной политики. Несмотря на то, что в рамках данного направления к настоящему времени накопилось достаточно большое количество работ и подходов (наиболее интересные – [Тихонова, 2013]; [Шкаратан, 2008]; [Шевяков, Кирута, 2002]), единой методологии выделения социальных слоев и определения их взаимной диспозиции не выработано. Мы же будем опираться на подход, разработанный под руководством Т.М. Малевой в конце 90-х годов в ходе исследования среднего класса [Средние классы в России, 2001], поскольку видим преимущества данного направления. Они, на наш взгляд, состоят в следующем.

В рамках данного подхода проблема социально-экономической дифференциации и стратификации увязана с задачей повышения конкурентоспособности России в мировом пространстве, где повышение конкурентоспособности напрямую связано с развитием человеческого потенциала страны – ростом уровня образования, профессиональной подготовки, благосостояния населения. В таком понимании проблема роста конкурентоспособности России тесно связана с перспективами развития ее среднего класса – социального образования, включающего массовый слой образованных профессионалов. Одной из ключевых задач социально-экономической политики должно стать создание максимальных возможностей для российского среднего класса занять достойное место в системе международного разделения труда, устоять в глобальной конкуренции, став, тем самым, социальной силой, обеспечивающей развитие страны [Аврамова, Жеребин, 2011].

Принятый подход, в основе которого лежит идея выделения и анализа концентрации признаков социальных слоев имеет достаточно хорошо разработанную теоретическую базу.

Прежде всего, это теория роста благосостояния, в рамках которой наиболее распространенными на сегодняшний день направлениями исследований являются:

1) подход, в основе которого лежит идея о том, что максимальное увеличение благосостояния признается равным максимизации факторов потребительской полезности. Соответственно, уровень жизни домохозяйства можно

определить как суммарную оценку потребления услуг и товаров с учетом дифференциации в размерах и демографическом составе домашних хозяйств, а также в уровне цен. На основе данного подхода оценка благосостояния производится на основе данных о потреблении населения и о ценах. Эта информация может быть получена на основе статистики, либо, в случае ее недостаточности, собрана в ходе социологических обследований, посвященных исследованию уровня жизни. В настоящее время методология, в которой на основе данных обследований производится оценка потребления, является достаточно хорошо проработанной. Это определяет доминирование подхода к оценке благосостояния на основе потребительской полезности [Равальон М., 1999, с. 143].

2) подход, основанный на выявлении деприваций, в наибольшей степени применимый к исследованию проблем бедности, определяемой через оценку лишений, понимаемых как невозможность удовлетворить какие-либо насущные потребности. Соответствующие товары и услуги, которые не могут быть потреблены данной группой по причине низкого дохода, дифференцированы в зависимости от особенностей территории, страны или региона. Основоположником данного подхода считается П. Таунсенд [Townsend P., 1979], которым в конце 1980-х годов была создана методология анализа бедности через лишения. В последнее десятилетие прошлого века исследования, основанные на оценках бедности через лишения получили широкое распространение. Это связано с тем, что такой подход позволяет рассматривать благосостояние шире, чем потребление товаров, и дает возможность учесть аспекты благосостояния, не оказывающие прямого воздействия на потребительские предпочтения. Существенный вклад в развитие данного подхода был внесен Л.Н. Овчаровой [Овчарова, 2009], определившей слой российских бедных по признаку деприваций.

3) Подход с точки зрения оценки возможностей, предложенный нобелевским лауреатом А. Сеном. Здесь благосостояние индивида (группы) связывается не с полезностью и не с набором имеющихся потребительских благ, а с набором функциональных возможностей, складывающихся из:

- а) совокупности всех благ, к которым индивид (группа) имеет доступ;
- б) совокупности всех возможных вариантов использования этих благ.

При этом из имеющегося набора функциональных возможностей свободно выбирается то, что, по мнению субъекта, в наибольшей степени способствует его

благополучию: «набор возможностей» в пространстве функций отражает свободу индивида выбрать один из множества образов жизни» [Sen, 1985, с. 40].

В рамках данного подхода большее внимание уделяется тому, что индивиды (группы) могут воспользоваться (не воспользоваться) благами в зависимости от:

- индивидуальных характеристик (например, состояния здоровья, возраста, пола, уровня образования и пр.);
- социальных характеристик (например, системы норм и санкций, существующих в обществе);
- инфраструктурных характеристик (уровень развития инфраструктуры, институтов).

Применение теории благополучия и разработанных в ее рамках методологических ходов, безусловно, полезно, но недостаточно для исследования социально-экономического неравенства. Прежде всего потому, что здесь имеет место акцентуация на проблемах бедности, а в тени остается проблема социальной динамики как исследование собственных социальных и экономических потенциалов слоев и групп населения. Оговоримся, что ближе всего к этой проблематике стоит подход А. Сена, но и он не вполне достаточен для комплексного описания масштабов неравенства.

В этой связи теоретическая база исследования должна быть дополнена стратификационными концепциями, дающими ключи к пониманию сложившейся социально-экономической диспозиции, причем в последнее время данные теории в большей степени применяются к исследованию формирования и развития среднего класса. Еще одно дополнение связано с продвижением относительно нового теоретического концепта – **ресурсного подхода** к анализу дифференциации. Суть этого подхода состоит в определении того, в какой степени индивидуальные (групповые) социальные ресурсы могут быть реализованы в сложившейся социально-экономической (институциональной) среде с целью повышения индивидуальных (групповых) характеристик благополучия.

Нами были предприняты определенные усилия в имплементации в России и развитии ресурсного подхода [Аврамова, 2002а, 2002б], причем нами впервые были количественно определены социальные ресурсы, которыми обладают (не обладают) и которые используют (не используют) различные группы населения. Более того, нами была дана интегральная оценка ресурсного потенциала отдельных социальных групп. В целом, ресурсный подход дает возможность исследовать целый спектр проблем, встающих в рамках данного проекта:

- в какой ресурс и по каким причинам население вкладывает силы, а также временные и финансовые ресурсы;
- от накопления каких ресурсов и по каким причинам отказываются отдельные группы населения;
- какие конфигурации социальных ресурсов характеризуют те или иные группы населения;
- как и какие именно ресурсы наиболее успешно конвертируются в сложившейся институциональной среде;
- какие усилия социальной политики могут быть предприняты для облегчения доступа населения к социальным ресурсам развития.

Хорошо видно, что перечисленные исследовательские вопросы напрямую связаны с задачами настоящего проекта.

Столь обширная и разнообразная теоретическая база, на которую мы намерены опираться, нужна нам для того, чтобы приблизиться к описанию нового феномена, подлежащего социальному анализу: снижение уровня бедности до социально приемлемого уровня при сохранении высокой дифференциации.

О снижении уровня бедности до социально приемлемого уровня свидетельствуют следующие данные: снижение с 20,8% в докризисном 1997 г. или с 20,3% в 2003 г., когда были преодолены последствия кризиса 1998 года, до 11% в 2012 г. Следует отметить, что в 2005 г. был пересмотрен состав потребительской корзины на федеральном уровне, в 2006-2008 гг. произошли аналогичные пересмотры на уровне регионов, но это не повлияло на тренд снижения уровня бедности, которая сократилась за 2000-е годы более чем в два раза. С 1 января 2013 г. действует новая потребительская корзина, которая от своих предшественниц отличается фиксированной долей продуктов питания (50%), непродовольственных товаров (25%) и услуг (25%) в ней. При этом сохраняется высокая региональная дифференциация по признакам материальной обеспеченности. Часть регионов и сегодня (2011 г.) остается экстремально бедной: например, Республика Калмыкия (36%), Республика Тыва (31%), что при снижении доли бедного населения в регионах-лидерах до 8-10% оставляет коридор межрегионального неравенства в терминах бедности достаточно широким.

Дифференциация доходов населения (в целом, а не только бедного) измеряется Росстатом с помощью коэффициента Джини (индекс концентрации доходов), коэффициента фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения), а также доли доходов у верхнего и нижнего децилей,

оцененной на основе материалов выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и макроэкономического показателя денежных доходов населения. Мы видим, что дифференциация доходов остается на высоком уровне, индекс Джини сегодня равен 0,417, хотя в начале 2000-х был чуть ниже отметки 0,4. Для сравнения, в среднем по Европейским странам¹ в 2011 г. индекс Джини был 0,305-0,308, с максимальным значением 0,354 в Латвии. С другой стороны, неравенство доходов в США традиционно гораздо выше, чем в Европе – 0,477 (скорее всего, это по совокупным доходам до уплаты налогов, а по чистым - 0,380), в Китае – тоже 0,477, а в Бразилии – 0,550.

¹Сайт ОЭСР, <http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=IDD>, доступ от 18.06.2013

Таблица 1.1 – Показатели социально-экономической дифференциации населения

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, в процентах от общей численности населения	20,8	23,4	28,4	29,0	27,5	24,6	20,3	17,6	17,8	15,2	13,3	13,4	13,0	12,5	12,7	11,0
Коэффициент Джини (индекс концентрации доходов)	0,390	0,394	0,400	0,395	0,397	0,397	0,403	0,409	0,409	0,415	0,422	0,421	0,421	0,421	0,417	
Коэффициент фондов (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) (коэффициент)	13,6	13,8	14,1	13,9	13,9	14,0	14,5	15,2	15,2	15,9	16,7	16,6	16,6	16,6	16,2	16,4
Доля денежных доходов у 10% наименее обеспеченного населения в общем объеме денежных доходов (процент)	2,2	2,3	2,3	2,2	2,1	2,1	2,1	2,0	2,0	1,9	1,9	1,9	1,9	1,9	1,9	
Доля денежных доходов у 10% наиболее обеспеченного населения в общем объеме денежных доходов (процент)	30,2	31,8	32,9	31,1	29,2	29,3	29,6	30,1	30,1	30,5	31,0	31,0	30,9	30,9	30,7	

Источник: Росстат, ЦБСД, доступ от 10.06.2013

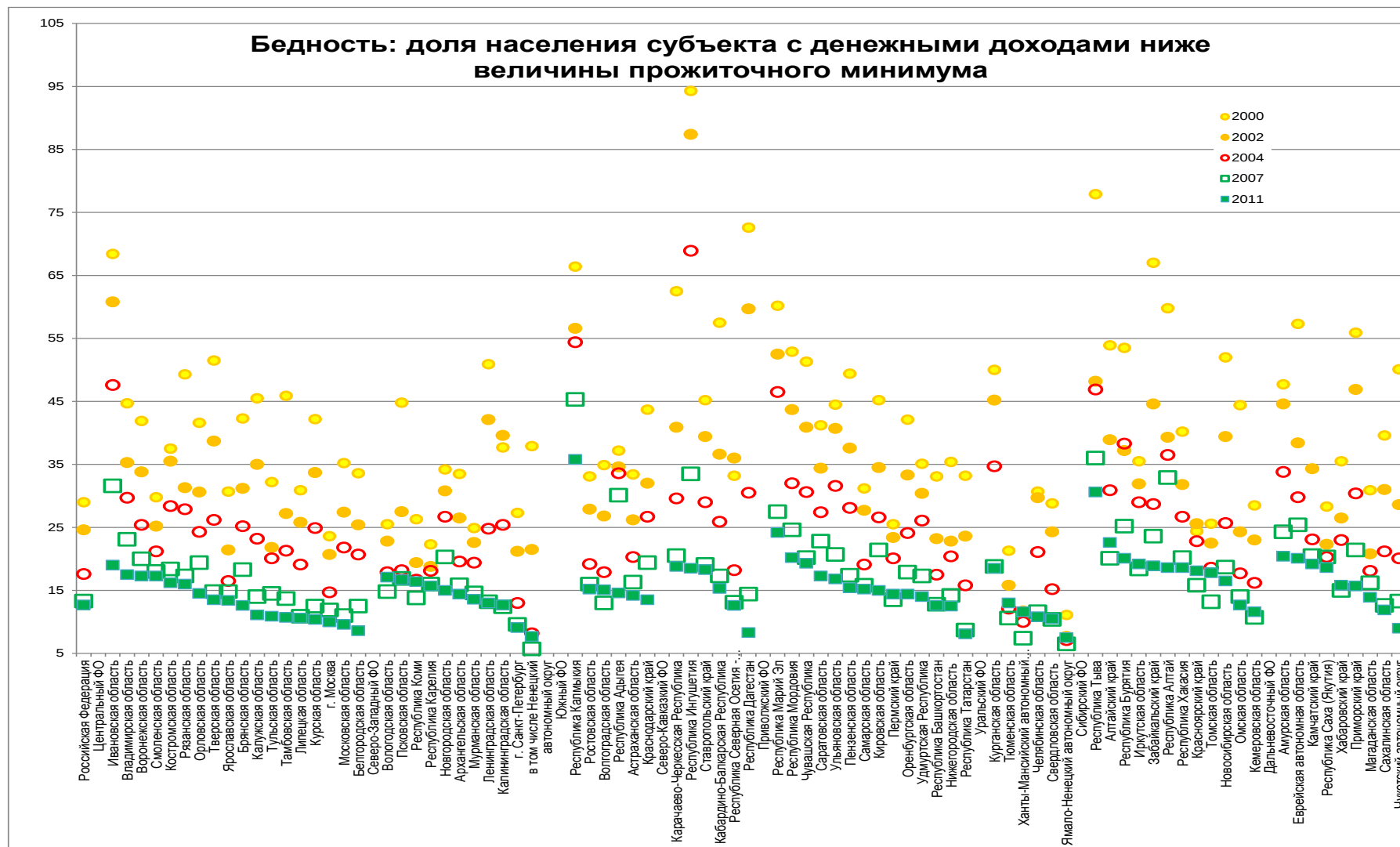

Рисунок 1.1 – Бедность населения субъектов Российской Федерации в 2000-2011 гг.

Доходы самого богатого десятого дециля населения в 16,4 раза выше, чем доходы самого бедного, первого дециля по доходам, и фондовый коэффициент также продемонстрировал существенный рост неравенства населения по доходам, в начале 2000-х различия были в 14 раз.

На уровне отдельных регионов дифференциация доходов в терминах индекса Джини наблюдается с 2002 года. Лидером по неравенству была и остается Москва, но следует отметить, что неравенство распределения доходов населения столицы за последние 10 лет очень существенно сократилось, с 0,609 до 0,503. Но так как оценки доходов проводятся по данным ОБДХ с использованием макропоказателей доходов населения, в которых именно на Москву приходится наибольшая доля «других доходов», включающих "скрытые", от продажи валюты, денежные переводы и пр. (их доля в Москве сократилась с 40% в 2000 г. до 26% в 2011 г.), есть основания полагать, что часть наблюдаемого снижения дифференциации произошла за счет уточнения методик корректировки доходов. Неравенство было и остается высоким в Тюменской области, а во всех остальных 80 регионах мы наблюдаем рост неравенства в период 2002-2007 гг., а затем либо продолжение нарастания неравенства, либо небольшое его снижение к 2011 г.

Коэффициент фондов измеряет неравенство на краях распределения и равен отношению доходов десятой децильной группы и первой. Как уже было отмечено, в начале 2000-х это отношение составляло 14 раз, а последние пять лет держится на уровне 16,5 раз. Активный рост неравенства наблюдался в 2000-2007 гг. по всем регионам России. Очень существенны межрегиональные различия коэффициента фондов, здесь как и по индексу Джини, лидирует г. Москва.

Приведенные данные укрепляют нас в мысли о том, что мы действительно имеем дело с новой конфигурацией социально-экономического неравенства, когда при сокращении доли бедных масштаб неравенства не сокращается. Одновременно мы видим существенную дифференциацию регионов по социально-экономическим признакам, что говорит о необходимости учитывать региональный аспект в исследовании данной проблематики.

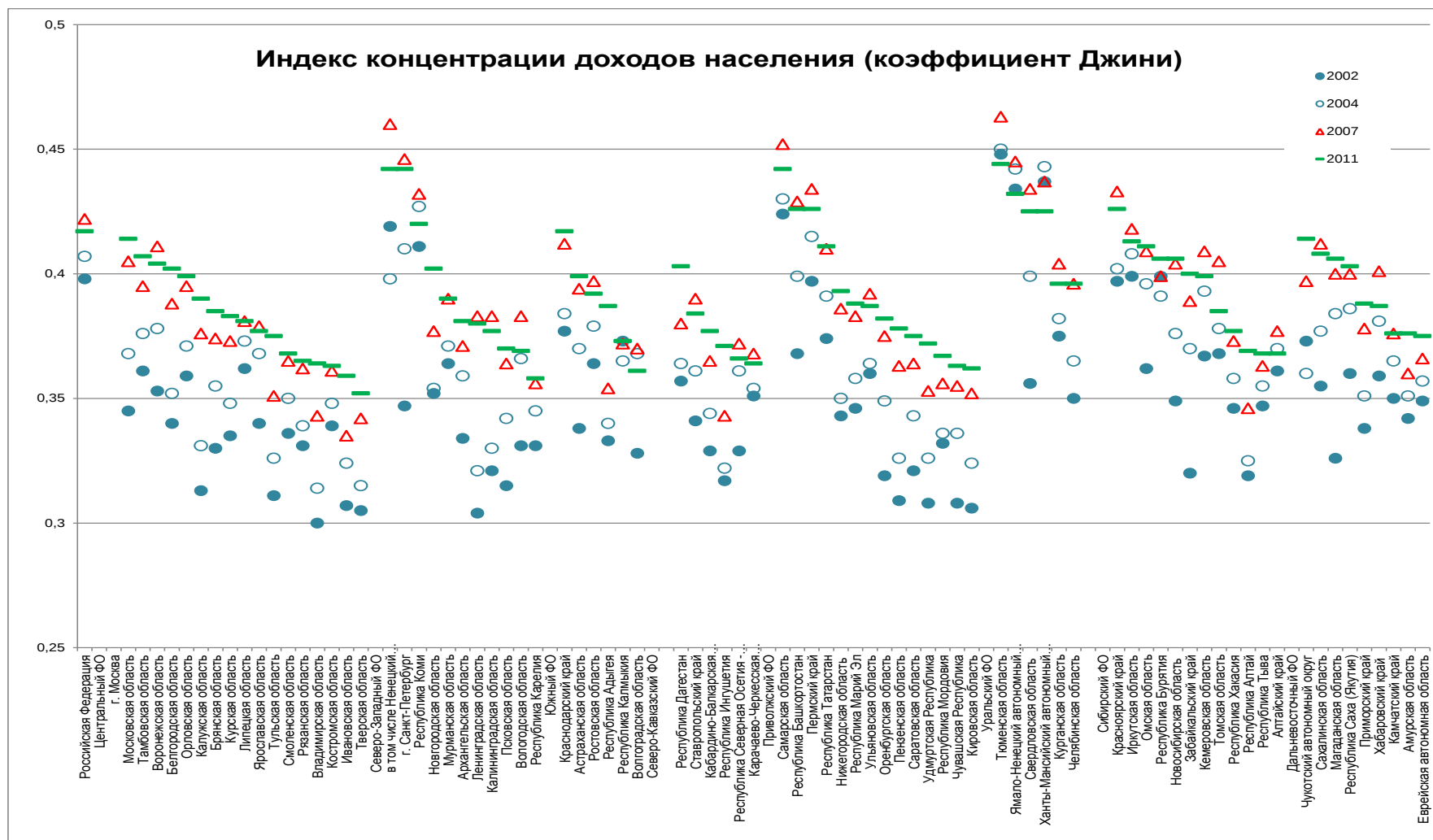

Рисунок 1.2. – Индекс Джини в субъектах РФ, 2002-2011, регионы упорядочены по показателю 2011 г. (на рисунке не представлена г. Москва: 0,609 в 2002 г. и 0,503 в 2011 г.).

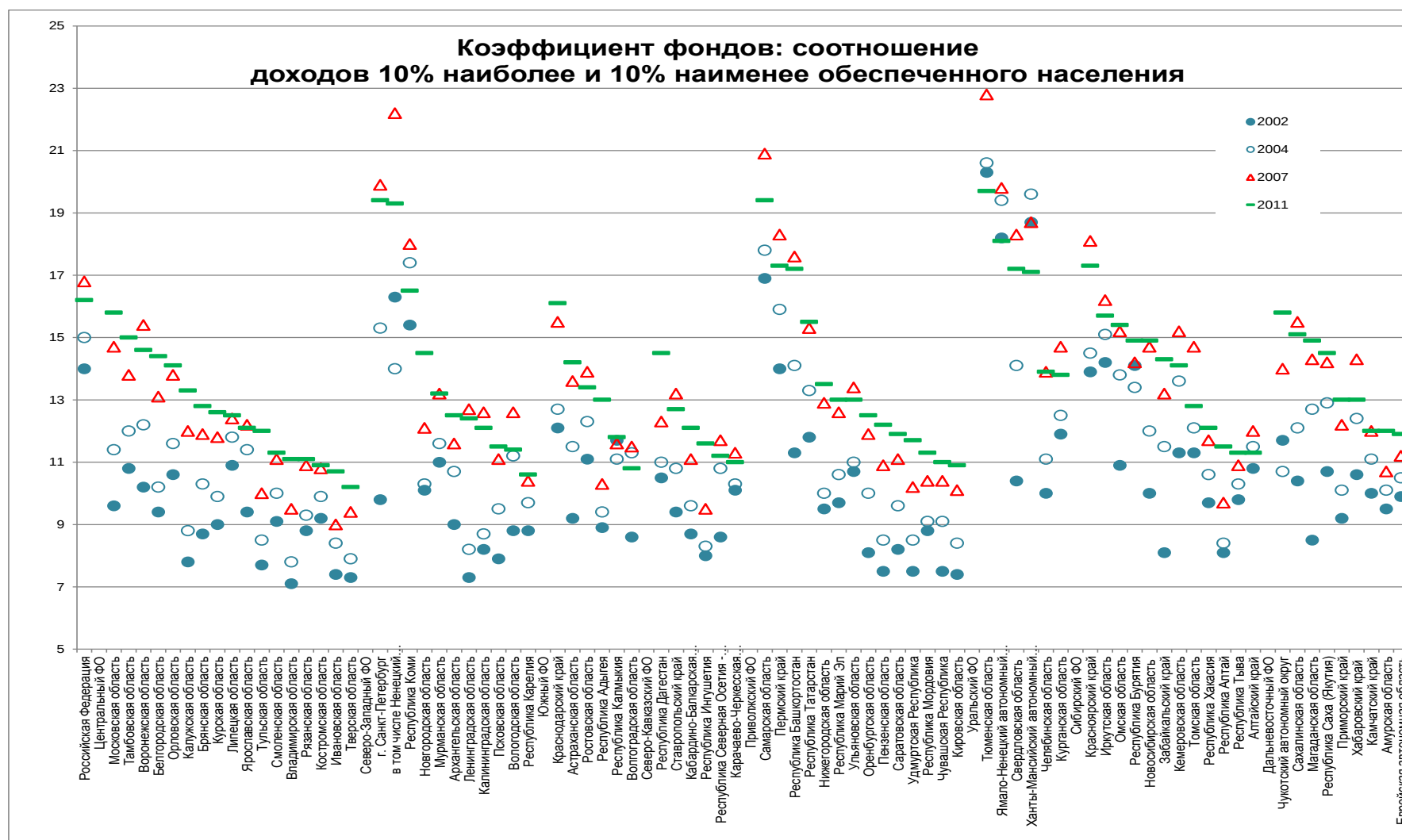

Рисунок 1.3 – Коэффициент фондов, регионы упорядочены по показателю 2011 г., на рисунке не представлена г. Москва (различия 51 раз в 2001 г. и 27,3 раз в 2011 г.)

2. Социально-демографические характеристики выборочной совокупности

Половозрастная структура обследования имеет ряд расхождений с генеральной совокупностью, хотя в целом близка к ней. В исходном массиве численность женщин во всех возрастных группах кроме старшей и младшей переоценена, тогда как численность мужчин, начиная с 35-летнего возраста, недооценена. Подобные смещения характерны для большинства выборочных обследований и связаны с различным уровнем доступности респондентов. Взвешивание массива данных по полу, возрасту и доходу сократило данные различия (см. Рисунки 2.1 и 2.2).

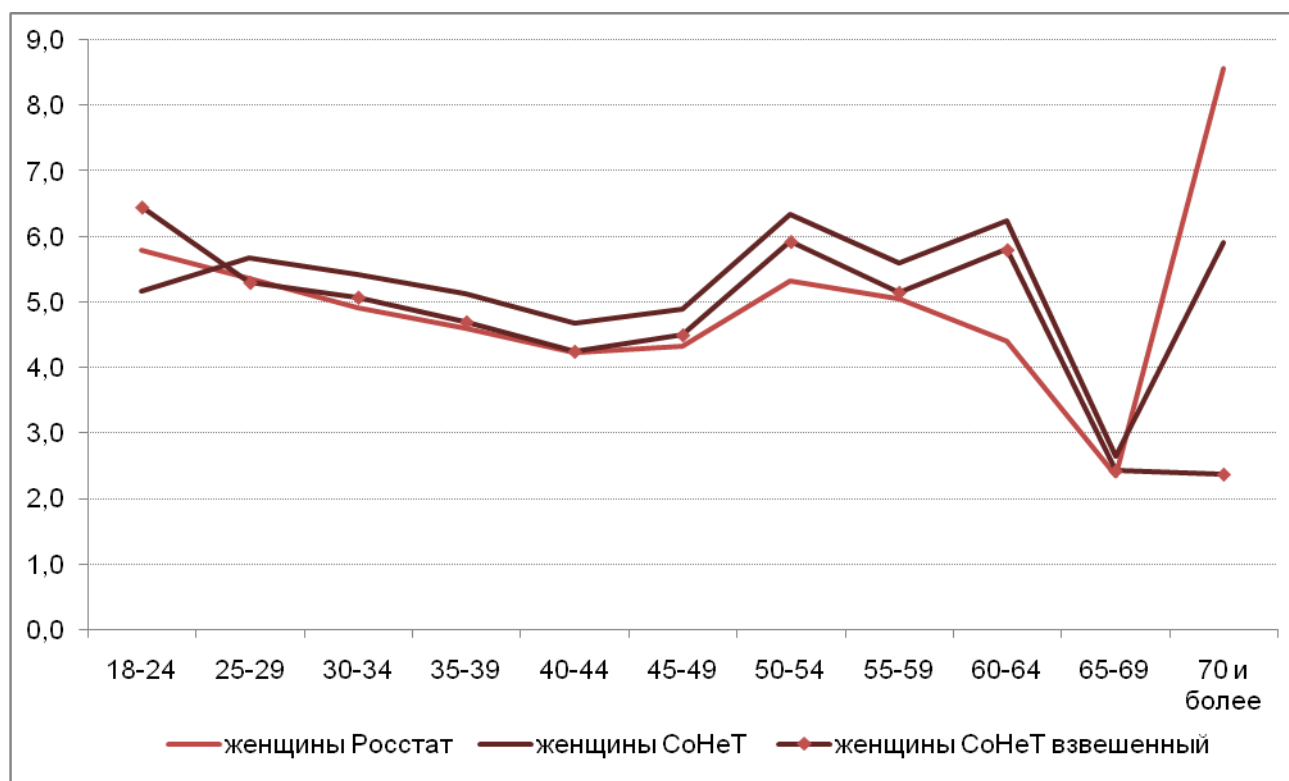

Рисунок 2.1 – Доля женщин по данным Росстата и обследования, % от населения 18 лет и более

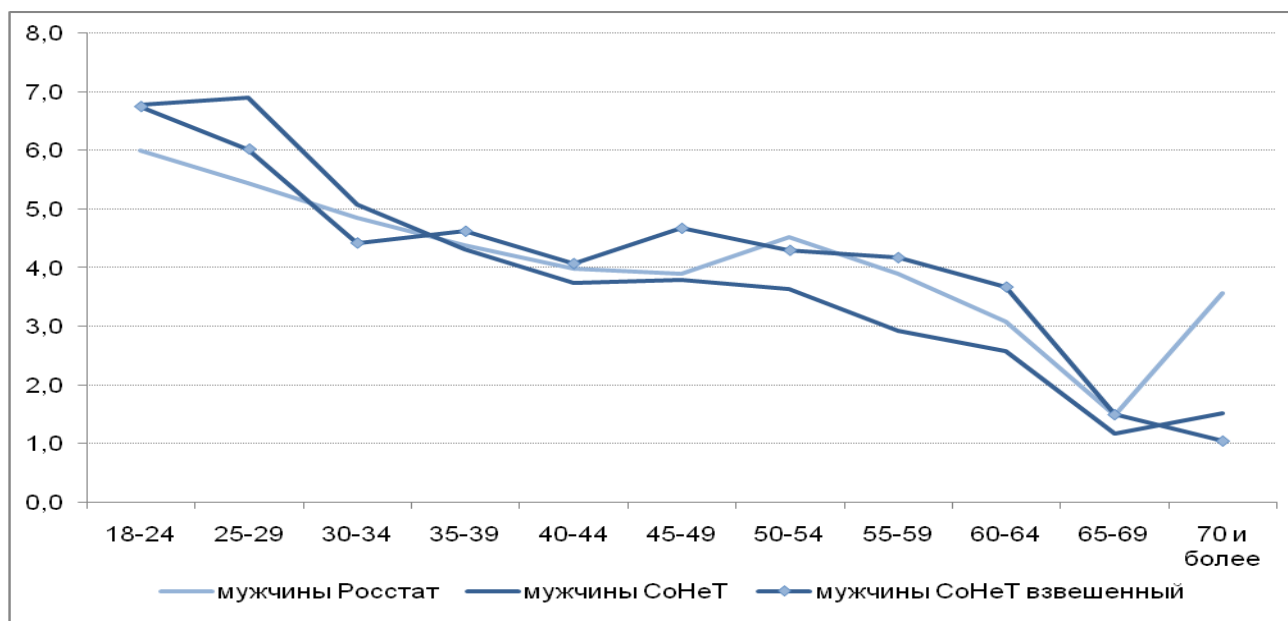

Рисунок 2.2 – Доля мужчин по данным Росстата и обследования, % от населения 18 лет и более

Для дальнейшего анализа в разрезе возрастных групп используется типология с 10-летними интервалами. Она достаточно хорошо отражает генеральную совокупность (Таблица 2.1). Наблюдается высокая численность респондентов молодых возрастов, что отражает демографическую волну второй половины 1980-х годов.

Таблица 2.1 – Поло-возрастная структура, % от всей выборки

Возраст, лет	Мужчины	Женщины	Оба пола
18-29 лет	12,8	11,8	24,6
30-39 лет	9,0	9,8	18,8
40-49 лет	8,7	8,8	17,5
50-59 лет	8,5	11,0	19,5
60 лет и старше	6,9	12,7	19,6
Итого	46,0	54,0	100,0

Для целей анализа экономической активности и социальной мобильности были выделены 4 возрастные группы – младший трудоспособный возраст, средний и старший (предпенсионный), а также пенсионный возраст.

Таблица 2.2 – Укрупненная поло-возрастная структура, % от всей выборки

	Мужчины	Женщины	Оба пола
Младший трудоспособный, 18-29 лет	12,8	11,8	24,6
Средний трудоспособный, 30-44 лет	13,1	14,0	27,2
Старший трудоспособный, 45-54/59 лет	13,1	10,4	23,6
Пенсионный возраст	6,9	17,8	24,7
Итого	46,0	54,0	100,0

Типология по уровню здоровья респондента строится на основании субъективной оценки респондентом, наличия у него заболеваний, ограничивающих трудоспособность, и наличия статуса инвалида.

По наличию заболеваний, ограничивающих трудоспособность, у нас есть возможность сравнить полученные данные с другими выборочными обследованиями. Формулировки вопросов полностью сопоставимы. Как видно из Таблицы 2.3, в опросе доля лиц, страдающих такими заболеваниями, значительно выше. Можно предположить, что в силу специфики телефонного опроса, не все респонденты до конца дослушивали формулировку вопроса и отвечали, исходя из наличия общих заболеваний. Тем не менее, для использования в построении относительной типологии, данная переменная представляет определенную ценность. Таблица 2.3 – Доля респондентов по наличию заболеваний, ограничивающих трудоспособность по данным выборочных обследований, %

	Опрос ИСАП		Человек, семья, общество, 2013		РиДМиЖ, 2011		Москва и москвичи, 2013	
	Частота	Процент	Частота	Процент	Частота	Процент	Частота	Процент
Есть	989	24,7	590	16,4	961	8,6	253	8,1
Нет	2965	74,1	2925	81,2	9262	82,8	2853	91,8
Затрудняюсь ответить	49	1,2	86	2,4	957	8,6	3	0,1
Итого	4002	100,0	3601	100,0	11180	100,0	3109	100,0

Формулировка закрытий вопроса о субъективной оценке респондентами своего здоровья не сопоставима с данными имеющихся в нашем распоряжении других выборочных обследований. Долю респондентов со статусом инвалидности также не представляется возможным сравнить с другими данными в силу того, что на этот вопрос отвечали не все респонденты, а только те, кто положительно ответил на вопрос о наличии заболеваний. Согласно данным других обследований, есть узкая группа респондентов, имеющих статус инвалидности, но не отмечающих у себя заболеваний, ограничивающих трудоспособность.

Типология по уровню здоровья (Таблица 2.4) показывает, что более двух третей респондентов всех возрастов оценивают свое здоровье как отличное, еще 30,9% - как хорошее. К лицам с ограниченными возможностями здоровья относится 7% респондентов.

Таблица 2.4 – Распределение респондентов по состоянию здоровья

	Частота	Процент	Валидный процент
отличное здоровье	1451	36,2	36,3
хорошее здоровье	1235	30,9	30,9
не очень хорошее здоровье	550	13,7	13,8
плохое здоровье	481	12,0	12,0
ограниченные возможности здоровья, инвалидность	279	7,0	7,0
Итого	3996	99,8	100,0
Системные пропущенные (з/о по всем вопросам)	7	0,2	
Итого	4002	100,0	

Традиционно мужчины лучше оценивают свое здоровье (Таблица 2.5). Почти две трети молодых мужчин находят свое здоровье отличным, в каждой следующей возрастной группе эта доля падает на 10 п.п. Тем не менее, среди мужчин старше 60 лет она составляет почти 20%. Доля мужчин с хорошим уровнем здоровья колеблется на уровне 25-33%. Доля мужчин с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью резко возрастает после 50 лет.

Среди женщин даже в молодых возрастах отличным свое здоровье называют не более половины. Уже после 40 лет эта доля падает до 25%, а после 60 лет таковых остается менее 10%. После 40 лет скачкообразно нарастает доля женщин с плохим состоянием здоровья, а после 60% уже 20% женщин отмечают у себя заболевания, ограничивающие трудоспособность.

Таблица 2.5 – Состояние здоровья в разрезе пола и возраста, % по строке

	отличное здоровье	хорошее здоровье	не очень хорошее здоровье	плохое здоровье	ограниченные возможности здоровья, инвалидность
	<i>мужчины</i>				
18-29 лет	62,9	25,9	7,6	2,7	1,0
30-39 лет	54,7	29,8	9,5	3,6	2,5
40-49 лет	40,9	33,0	12,8	8,6	4,6
50-59 лет	34,3	25,2	18,3	11,4	10,8
60 лет и старше	18,8	31,4	17,6	15,7	16,6
	<i>женщины</i>				
18-29 лет	49,1	39,8	7,1	3,3	0,7
30-39 лет	42,0	39,2	10,1	6,3	2,4
40-49 лет	25,1	40,4	16,8	13,3	4,4
50-59 лет	20,4	27,5	21,7	21,7	8,7
60 лет и старше	9,2	20,5	18,7	31,8	19,9

3. Материально-имущественные характеристики

3.1. Индивидуальные денежные доходы респондентов

Вопросы о размере доходов и заработной платы традиционно вызывают большое число отказов от ответа, и дистанционное анкетирование по телефону накладывает свою специфику. Для получения информации о заработной плате мы применили метод аналогий, когда при отказе респондента от ответа на прямой вопрос «Скажите, пожалуйста, сколько примерно рублей в месяц Вы зарабатываете» мы спрашивали о зарплате следующим образом: «Тогда скажите, пожалуйста, сколько примерно получают люди, работая в вашем городе / селе на такой должности как Ваша?». При расчете размера дохода мы считали, что респондент получает такую же зарплату как аналогичные работники. Также был учтен размер пенсионных выплат в доходе домашнего хозяйства, что позволило сократить долю респондентов, не предоставивших сведений о доходе до 8,4% опрошенных.

Размер дохода при социальных опросах населения традиционно ниже показателей официальной статистики. Так, согласно Краткосрочным показателям доходов населения Росстата, средняя заработная плата в Российской Федерации составила в августе 2013 г. 29 020 рублей, пенсия – 10 065 рублей, а денежные доходы – 25 109 рублей в среднем на душу населения. Согласно проведенному опросу, средний денежный доход, состоящий только из заработной платы и пенсии, составил 23 366 руб. в месяц, а медианное значение – 15 000 руб. в месяц (Рисунок 3.1).

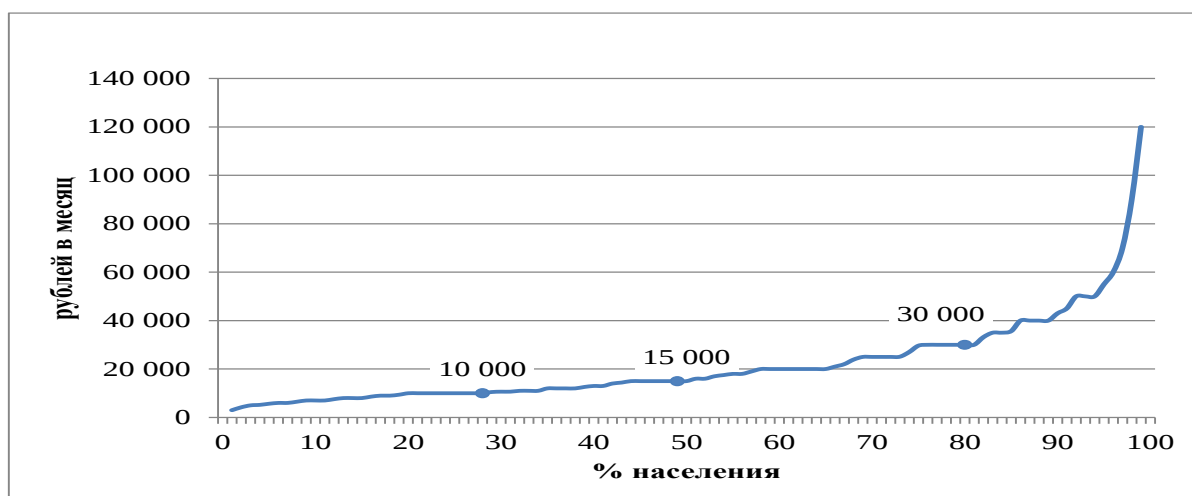

Рисунок 3.1 – Индивидуальные доходы респондентов, рублей в месяц

Согласно размеру индивидуального дохода респонденты были отнесены к 11 группам, 1-10 представляют собой стандартные децильные группы, когда в одну группу отнесены респонденты имеющие доходы в определенном интервале, границы которого рассчитываются из наполняемости групп. В последнюю 11-ю группу отнесены респонденты, не указавшие доход. В силу присутствия ответов в интервальном виде, есть группы респондентов с одинаковым доходом, что создает разную наполняемость децильных групп (Таблица 3.1). Распределение получателей заработной платы и пенсии по децильным группам показывает большое численное преимущество пенсионеров в нижней части распределения по доходам, особенно во второй и четвертой децильной группе. Получатели пенсии есть во всех доходных группах, и даже в верхних децилях, но в девятом и десятом дециле – работающие пенсионеры.

Таблица 3.1– Уровень индивидуального дохода респондентов по децильным группам и доля получателей заработной платы и пенсии

	Средний размер дохода, руб. в месяц			Доля получателей, %	
	Индивидуальный доход	Пенсия	Заработная плата	Пенсия	Заработная плата
Первая (низкий доход)	5 056	5 614	4 419	47,9	53,5
Вторая	8 179	8 133	7 551	64,3	39,1
Третья	10 044	9 906	9 743	46,8	55,5
Четвертая	11 428	10 604	10 329	68,6	40,2
Пятая	14 439	11 740	13 460	32,9	78,6
Шестая	17 262	10 679	13 451	50,9	87,9
Седьмая	20 621	10 651	18 660	24,1	96,8
Восьмая	27 789	11 997	26 092	17,2	98,6
Девятая	37 415	13 156	32 862	34,6	100,0
Десятая (высокий доход)	80 099	14 639	76 691	23,3	100,0
Доход не указан				0,0	0,0
Всего	23 366	10 172	25 615	33,3	62,9

Как уже было сказано, 11,5% опрошенных домохозяйств – это одиноко проживающие люди. Среди остальных в 32% случаев респондент сам является основным кормильцем семьи, в 26% семей респондент зарабатывает наравне с другим или другими членами семьи, и 30% опрошенных заявили, что их персональный доход не является доминирующим, и другие члены семьи являются основными кормильцами с точки зрения дохода. Данное обстоятельство очень важно для анализа социальной мобильности, так как при принятии таких важных для домохозяйства решений как переезд, получение дополнительного образования или

смена профиля занятости, основной кормилец играет ключевую роль – в нашем случае около 70% опрошенных принимают решения.

3.2. Денежные доходы домохозяйства

Вопрос о совокупном доходе домашнего хозяйства задавался в адаптированном для телефонного формата виде «Скажите, пожалуйста, за последний месяц сколько примерно денег получили все члены вашей семьи, проживающие вместе с Вами, включая зарплаты, пенсии, пособия, стипендии, любые денежные поступления (нам нужно лишь приблизительное число)?», и 74% респондентов ответили на него содержательно.

Далее мы рассчитали доход как максимум указанного респондентом дохода семьи и его индивидуального дохода в виде заработной платы и пенсии, описанного выше. Душевой доход домашнего хозяйства рассчитан простым делением на число членов семьи, и данный шаг также имеет свою специфику в силу телефонного восприятия респондентами термина члены Вашей семьи, постоянно проживающие вместе с Вами, описанного нами ранее. Тем не менее, была применена стандартная методология расчета душевого дохода, в среднем доход составил 14 239 руб. в месяц на душу, а медианное значение дохода опрошенных – 10 000 руб. в месяц на человека. При сопоставлении с макрорядом доходов населения за первое полугодие 2013 г., данные опроса демонстрируют стандартное для опросов населения смещение в сторону менее обеспеченных слоев населения (Рисунок 3.2), что происходит за счет дооценки скрытой части доходов населения в макростатистике.

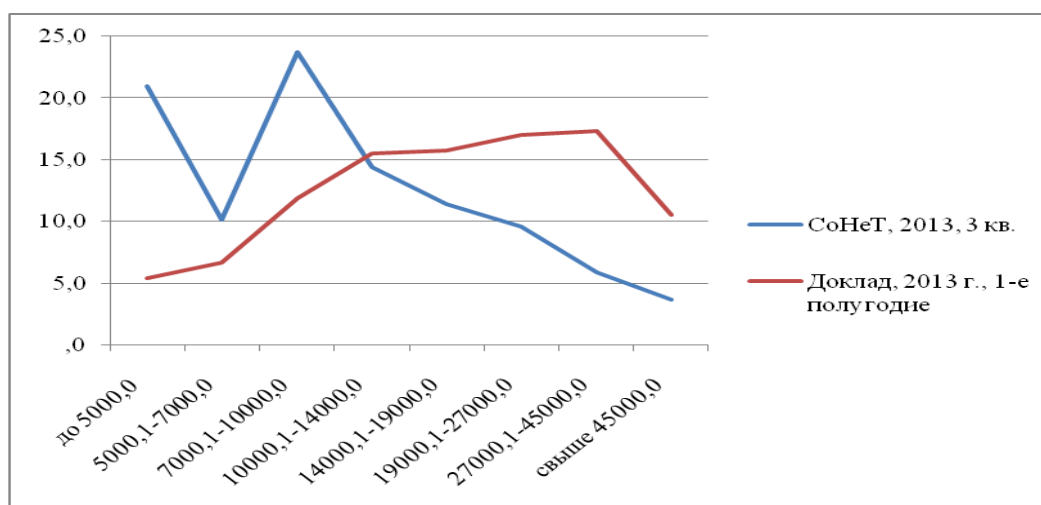

Рисунок 3.2 – Душевые доходы домохозяйств респондентов, рублей в месяц

Сравнение распределения населения по доходам с результатами регулярного обследования Росстата ОБДХ показывает хорошую сопоставимость двух рядов, давая основания проводить обобщающие сравнения (Рисунок 3.3).

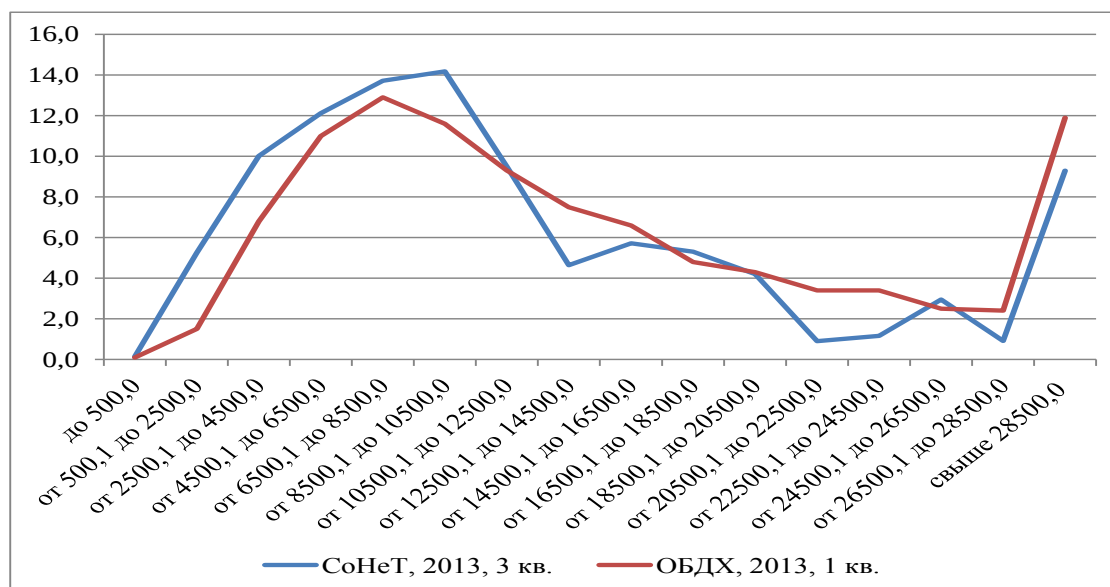

Рисунок 3.3 – Душевые доходы домохозяйств респондентов, рублей в месяц

При дальнейшем анализе социальной мобильности мы кроме показателя индивидуальных доходов респондента будем опираться на уровень душевого дохода домохозяйства в виде квинтильных групп по нему. Численность каждой из групп варьирует от 17,4% до 19,7% выборки (Таблица 3.2), и верхняя и нижняя группы по доходу дают различия средних показателей в 11 раз.

Таблица 3.2– Средний совокупный доход домохозяйств в расчете на душу по квинтильным группам и доля групп в выборке, руб. в месяц на душу и процент

	Совокупный доход домохозяйства	Доля группы в выборке, %
Первая (низкий доход)	3 491	19,2
Вторая	6 964	18,1
Третья	10 034	17,3
Четвертая	14 433	18,7
Пятая (высокий доход)	36 468	18,3
Доход не указан		8,4
Всего	14 239	100,0

Важно отметить, что такой доход, как был в прошлом месяце, является обычным для 74% опрошенных, около 15% отметили, что обычно у них доход выше, чем был в прошлом месяце, а для 8,3%, наоборот, доход обычно ниже. Данное

обстоятельство отражает, во-первых, влияние времени отпусков, каникул, летних подработок, и во-вторых, имеет место в силу нестабильности доходов и занятости части населения России.

Структура доходов опрошенных домашних хозяйств имеет стандартный вид, преобладающую роль в ней играют заработная плата и пенсии – по 83,5% и 53,7% семей имеют эти два вида доходов. Вместе с тем, около 27% за последний год имели такие виды доходов, как льготы на оплату жилищно-коммунальных услуг и жилищные субсидии (8%), пособия (8%), стипендии (6%), алименты (2%), доходы от сдачи в аренду чего-либо (1%) и другие доходы (4%) (Таблица 3.3).

Таблица 3.3 – Другие виды доходов домохозяйств, доля получателей, процент

	Доля группы в выборке, %
Алименты	2,4
Стипендия	5,6
Пособие	7,9
Льготы на оплату ЖКУ, жилищные субсидии	7,7
Доходы от сдачи в аренду чего-либо	1,3
Другое	4,0
Не получали таких видов доходов	73,7

Межсемейные денежные трансферты – существенная статья бюджетов семей, причем как входящая, так и исходящая. Финансовые потоки завязаны на благосостоянии семей и стадиях демографического цикла. Среди опрошенных 52% заявили, что помогают своим родственникам, живущим отдельно, деньгами. И 30% являются реципиентами денежной помощи родственников, в том числе 17% респондентов одновременно и дают деньги, и получают. Не включены в систему межсемейной финансовой помощи 34% домашних хозяйств. В данном случае мы исследуем только факт денежного участия в бюджетах других семей, не зная о размерах входящей и исходящей денежной помощи.

3.3. Потребительский статус и желаемый доход домохозяйства

Отличия регионов и типов поселений по уровню жизни, занижение показателей доходов или отказы при ответах на вопросы Анкеты, а также некоторая степень условности при определении рамок и размера самого опрашиваемого домохозяйства делают показатели индивидуальных и душевых домохозяйственных

доходов частично уязвимыми при сравнении материального положения респондентов. Также корректировку вносит некоторая их нестабильность во времени. В отличие от объективных доходов, мы располагаем субъективным индикатором материального положения, который мы будем называть потребительским статусом респондента.

Потребительский статус домашнего хозяйства дополняет показатель денежных доходов домашних хозяйств в двух ракурсах. Во-первых, он отражает реальную потребность семей, не имеющих возможности купить товары определенной ценовой категории в дополнительных доходах. И во-вторых, при ответах он вызывает гораздо меньше затруднений и отказов респондентов – 1,8%. Проведенный опрос показал, что преобладающим потребительским стандартом является состояние, когда домохозяйства могут покупать еду и одежду, оплачивать ЖКУ, но покупка бытовых приборов для них затруднительна – 45,3%. Еще 27,5% семей могут покупать мебель и бытовые приборы, но на покупку квартиры у них денег нет, и это сектор клиентов потребительского кредитования (Таблица 3.4). О том, что даже на еду у них денег нет, сказали 1,7% респондентов – это целевая группа системы социальной защиты населения. Достаточный для покупки всего, что считают нужным, доход имеют 5,9% выборки, и здесь сравнение с другими исследованиями не возможно по причине существования в данной группе респондентов, которые не считают нужной покупку квартиры.

Таблица 3.4 – Потребительский статус, как оценка собственного материального положения семьи респондента

Формулировка вопроса в Анкете	Доля ответов	Название категории
Денег НЕ хватает даже на еду	1,7	Затруднительно покупать одежду и платить за ЖКУ
На еду денег хватает, но покупать одежду и оплачивать жилищно-коммунальные услуги затруднительно	17,8	
Денег хватает на еду и одежду, на более крупные покупки (холодильник, телевизор) Не хватает	45,3	Не могут купить холодильник, телевизор
Денег хватает на товары длительного пользования и отдых, но покупка квартиры недоступна	27,5	Покупка квартиры недоступна
Денег достаточно, чтобы купить все, что считаем нужным	5,9	Могут покупать все, что считают нужным
Всего ответивших	98,2	
Затрудняюсь ответить / отказ от ответа	1,8	
Всего	100,0	

Важной характеристикой уровня доходов является желаемый размер дохода – сумма, достаточная с точки зрения респондента для того, чтобы жить хорошо, ни в чем себе не отказывая. Первое преимущество этой характеристики в том, что респонденты меньше скрывают информацию – только 14% не ответили на данный вопрос по сравнению с 26% отказов ответа на прямой вопрос о доходах. Во-вторых, желаемый доход является стабильным показателем, обычно не меняющимся месяц от месяца, как это происходит с потоком денежных доходов, и в ряде случаев именно он определяет потребительское поведение семьи. В среднем опрошенные считают, что для того, чтобы жить ни в чем себе не отказывая, им хватило бы в 2,3 раза больше денег, чем они получают сейчас (Таблица 3.5). Примечательно, что медиана равна двум, то есть больше чем половина респондентов могла бы хорошо жить на доход в два раза больше текущего дохода.

Таблица 3.5– Уровень фактического, желаемого дохода и их расхождение

	Доход семьи, руб. в месяц	Желаемый доход семьи, руб. в месяц	Рост доходов до желаемого уровня, %
Среднее значение	40826	97087	230
Медиана	30000	60000	200
Минимум	3000	10000	100
Максимум	300000	1000000	1000
Число наблюдений	2975	3443	2652

На подвыборке тех, кто указал и фактический, и желаемый доход домохозяйства (около 70% опрошенных) мы можем провести сопоставление этих двух показателей. Несмотря на длинное плато (около 25% опрошенных) желающих иметь доход в два раза больше, наблюдается широкий диапазон мнений в интервале от 1,1 до 6 и более раз (Рисунок 3.4).

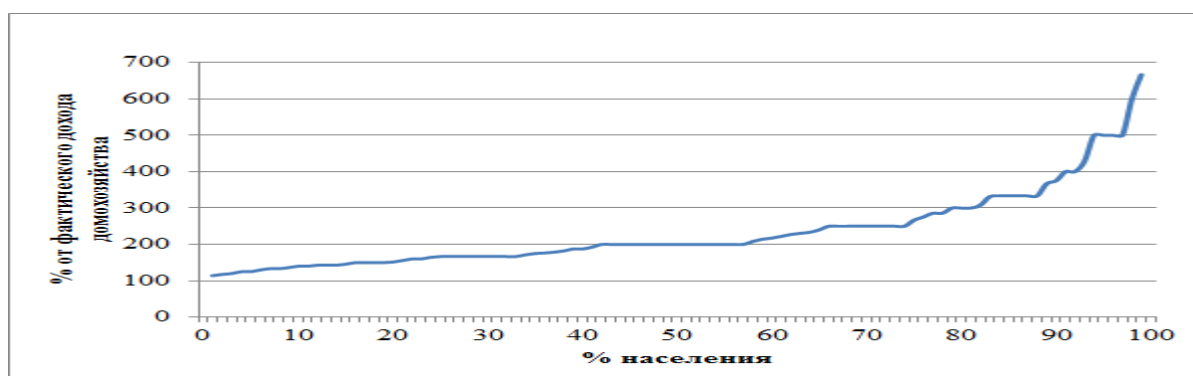

Рисунок 3.4 – Желаемый доход домохозяйств респондентов в % от их фактического дохода

Влияние уровня дохода домохозяйства на то, насколько больше ему нужно денег, проиллюстрируем, сгруппировав опрошенные домашние хозяйства на мелкие отряды по уровню дохода. Самые бедные 25% домохозяйств нуждаются в повышении доходов в 2,5-3 раза, и по мере роста доходов относительный «прирост» снижается, сохраняясь для верхних 40% опрошенных в пределах полутора-двух разового повышения. Следовательно, декларируя желаемый доход гораздо выше текущего, домохозяйства проявляют мотив к более высокому доходу, который в конечном итоге может преобразоваться в двигатель социально-экономической мобильности.

При этом важно позиционирование опрошенных домохозяйств на фоне социального окружения – их друзей, знакомых. Две третьих опрошенных считают, что их материальное положение примерно такое же, как у их окружения. Остальные мнения разделились поровну между 13,5% тех, кто оценивает свое материальное положение как «скорее лучше, чем у остальных», и 13,5% – скорее хуже. Следовательно, мотив быть «не хуже, чем остальные» может послужить поводом для каких-то действий для 14% населения при наличии других благоприятных факторов и ресурсов для этого.

Рисунок 3.5 – Желаемый доход домохозяйств респондентов в разрезе их фактического дохода

3.4. Сбережения

Денежные сбережения – это залог финансовой устойчивости домашних хозяйств на случай экономических шоков, а также ресурс для межсемейных трансфертов и долгосрочных вложений. Макроэкономические данные баланса денежных доходов и расходов населения Российской Федерации свидетельствуют о росте доли сбережений во вкладах и ценных бумагах с 3,7% денежных доходов населения в 2000 г. до 7,6% в 2010 г. и 5,3% в 2011 г. При этом расходы на приобретение иностранной валюты, с уровня 6% в начале 2000-х выросли до 8,5% в 2005 г., а после кризиса 2009 г. снизились и составляют 4%. Заметно, с 1,4% до 4% денежных расходов населения выросли расходы на недвижимость, и судя по изменениям задолженности по кредитам, часть этих расходов произведена населением в долг, за счет доходов будущих периодов. Банковская статистика показывает рост объема вкладов физических лиц в 8,7 раза в ценах 2000 г. при росте денежных доходов населения в 2,5 раза в постоянных ценах 2000 г. При этом объем вкладов в Сбербанке России увеличился в 5,4 раза, а средний размер вклада или депозита вырос за тот же период в 3,5 раза в постоянных ценах 2000 г.

Но что происходит на микроуровне? Действительно ли больше домашних хозяйств стало сберегать или рост сбережений населения в России происходит исключительно по причине роста объема сбережений одних и тех же домашних хозяйств при неизменном числе сберегателей? Данная статья посвящена эмпирическому анализу сберегательного поведения населения на данных трех волн выборочного обследования населения РиДМиЖ (Сайт НИСП, <http://www.socpol.ru/gender/RIDMIZ.shtml>), проведенного Независимым институтом социальной политики по репрезентативным выборкам в 2004, 2007 и 2011 гг., и охватывающим по 11 тысяч респондентов. Сбережения мы измеряем в виде потока – возможности откладывать, сберегать часть текущего дохода, и в виде запаса – наличия сбережений у семьи и их размера. Мы находим эмпирическое подтверждение роста распространенности практик сберегать. По текущим сбережениям доля сберегателей выросла с 31% в 2004 г. до 37% всех домашних хозяйств в 2011 г. (Таблица 3.6). А по индикатору запасов за период с 2007 по 2011 гг. количество домашних хозяйств, у которых имеются сбережения, увеличилось с 38% до 40%.

Согласно опросу, несмотря на довольно низкий уровень доходов, часть домохозяйств следует сберегательной стратегии – 42% респондентов делали сбережения в течение года. Среди семей, которые последнее время не могли сберегать деньги, есть и такие, что имеют сбережения, сделанные в предыдущие годы, за счет чего сегмент сберегателей расширяется до 71% всех семей. Сразу отметим, что учет только факта наличия сбережений, оставляет в силе относительность самого понятия «сбережений» для населения.

Таблица 3.6 – Распространенность практик сбережения денег среди населения, %

	Опрос ИСАП	РиДМиЖ		
	2013	2004	2007	2011
Есть сбережения (хотя бы на несколько месяцев потребления)	70,9 (42,0)	-	38,1	40,1
Могут откладывать часть дохода	42,3	30,5	34,1	36,8
Опрошено домохозяйств, единиц	4002	11261	11117	11184

Более пристальное рассмотрение сбережений респондентов показывает, что значимые по размеру накопленные денежные средства имеют 14% семей – они могли бы прожить на свои сбережения больше года. Еще 28% продержались бы на сбережениях несколько месяцев. А 28% семей, хотя и имеют сбережения, поддержать свой текущий уровень потребления больше месяца они не смогли бы. Таким образом, группа имеющих возможность делать текущие сбережения и группа, имеющих сбережения, по крайней мере, на несколько месяцев потребления, составляют по 42% респондентов. Пересечение этих двух признаков дает 29% респондентов, которые и имеют сбережения, достаточные на несколько месяцев потребления, и могут продолжать сберегать. Остальные либо имеют слишком небольшие сбережения, либо, имея некоторый запас денег, сегодня ничего откладывать не могут.

Размеры сбережений могут быть очень разными, в официальном статистическом учете находят отражение только банковские вклады, которых у одного человека зачастую несколько. Согласно Краткосрочным показателям в августе 2013 г. средний размер вклада или депозита в Сбербанке России составил 16 940 руб.

Как показали упомянутые выше исследования НИСП, хранение денег на счету в Сбербанке России – самый популярный среди населения способ хранения сбережений, и за семь лет его популярность выросла с 55,3% до 64,3% опрошенных.

С ростом размера населенного пункта предпочтения респондентов сдвигаются в сторону других способов хранения сбережений, например, на счетах в других российских банках советуют хранить сбережения 18% жителей крупных городов и только 8,2% проживающих в сельской местности. Тем не менее, даже в крупных областных центрах в пользу Сбербанка высказалось почти 60% опрошенных, тогда как в 2004 г. здесь их было 51,8%.

Вместе с тем, есть и другие способы сбережений, которые не попадают в официальную статистику. Для сельского населения на втором месте после счета в Сбербанке, как и предыдущие семь лет, остаются наличные рубли: 39-43%%. В небольших городах 28% жителей предпочитают хранить часть сбережений в наличных рублях, и за период экономического кризиса эта цифра существенно снизилась с 36,4% в 2007 г. В крупных городах популярность хранить наличность сократилась за семь лет с 30% до 24%, что является реакцией населения на высокую инфляцию. Перевод всех внутрироссийских расчетов в рубли и поддержание курса валют на довольно стабильном уровне на фоне инфляции рубля снизили рейтинг способа хранения сбережений в наличной иностранной валюте с 27% в 2004 г. до 13,1% в 2011 г. Следует отметить, что в 2007 г. популярность хранения наличной валюты была еще ниже, 11,4%. Наиболее высокие предпочтения к данному виду хранения сбережений проявляют жители не областных городов, 17,5%. Здесь же мы видим чуть больше сторонников хранить деньги на счете в иностранном банке, 7%, при средней по всем опрошенным 5,6%.

Распределение предпочтений хранить деньги на счету в Сбербанке или в другом российском банке находит отражение в реальном поведении населения. В волнах 2007-2011 гг. был задан прямой вопрос о наличии счета или карточки в Сбербанке, в другом банке или и в СБ, и в другом банке, хотя, далеко не всегда эти счета используются респондентом для хранения сбережений. В целом в 2011 г. 69% опрошенных имели счет в банке, и прогресс в этой области неоспорим – четыре годами ранее счета были только у 54% респондентов. При этом выросло как число клиентов Сбербанка (с 43% до 52%), так и число тех, у кого есть счет или карточка в другом банке (с 8% до 12%) и тех, у кого есть счет и в СБ, и в другом банке (с 3% до 6%). Охват банковскими услугами населения в сельской местности ниже, чем в городах, но за четыре года он достиг 57%, показателя охвата городского населения четырехлетней давности. Присутствие Сбербанка в не областных городах было и

остается выше, чем в региональных центрах, в которых в большей степени население идет в другие банки. Вместе с тем, опросы РиДМиЖ показали, что около четверти городского населения и более 40% жителей села не имеет счетов в банках.

Возвращаясь к данным нашего опроса, отметим, что с точки зрения влияния на социально-экономическую мобильность мы будем учитывать дробную разбивку домохозяйств с точки зрения наличия и размера сбережений и укрупненную типологию домохозяйств, различающую только тех, кто и имеет сбережения, достаточные хотя бы на несколько месяцев потребления, и может делать текущие сбережения.

3.5. Имущественная обеспеченность

Для анализа имущественной обеспеченности домашних хозяйств при опросе по телефону был выбран короткий индикаторный список, в который вошли компьютер, доступ к интернету, включая мобильный, посудомоечная машина и автомобиль. Все коэффициенты корреляции по Пирсону значимо отличаются от нуля на 1%-ном уровне доверия, демонстрируя крайне высокую зависимость (0,67) наличия компьютера и доступа к Интернету (Таблица 3.7). Но все-таки мы будем их рассматривать как отдельные характеристики обеспеченности домашнего хозяйства в связи с присутствием мобильного доступа к Интернету.

Таблица 3.7 – Корреляция индикаторов наличия бытовых приборов и автомобиля

	Компьютер	Доступ к интернету, включая мобильный	Посудомоечная машина	Автомобиль
Компьютер	1,000	0,674	0,134	0,274
Доступ к интернету, включая мобильный	0,674	1,000	0,132	0,243
Посудомоечная машина	0,134	0,132	1,000	0,164
Автомобиль	0,274	0,243	0,164	1,000

Подсчет наличия указанных единиц связи или техники в домашних хозяйствах показал, что у 10,8% опрошенных нет ничего из перечисленного, и они вместе с теми, у кого имеется только что-то одно из набора отнесены к группе низкой степени оснащенных бытовыми приборами и автомобилем (Таблица 3.8). В целом среди опрошенных крайне дефицитным бытовым прибором является посудомоечная машина (10%), что связано и с дороговизной самой техники, и с определенными

высокими требованиями к качеству коммунальных сетей для её установки. Следует отметить, что по данным опроса ОБДХ в 2012 году на 100 домашних хозяйств приходилось 5 посудомоечных машин, в том числе в городской местности – 6 штук. Следовательно, мы охватили чуть более «оснащенную» выборку домохозяйств. Такой же вывод можно сделать по наличию автомобилей: в ОБДХ на 100 домохозяйств приходится 54 легковых и 2 грузовых автомобиля. Там же наблюдается 59 персональных и еще 17 карманных компьютеров на 100 домохозяйств, что при учете наличия нескольких таких устройств в ряде семей дает также чуть более низкий охват – 67%, чем среди респондентов. Доступ в Интернет есть у 63,8% домохозяйств выборки ОБДХ, в том числе у 68,4% городских семей.

Таблица 3.8 – Наличие бытовых приборов и автомобиля в разрезе уровней оснащенности домашних хозяйств, % от выборки

	Оснащенность бытовыми приборами и наличие автомобиля				Всего
	Низкая	Средняя	Высокая	Максимальная	
Компьютер	2,8	23,7	43,2	8,2	77,8
Доступ к интернету, включая мобильный	2,9	22,5	43,1	8,2	76,7
Посудомоечная машина	0,2	0,3	1,4	8,2	10,1
Автомобиль	5,9	5,3	42,3	8,2	61,7
Все	22,6	25,9	43,3	8,2	100,0

Максимально хорошо оснащены приборами из индикаторного списка 8,2% опрошенных, а к высокой степени оснащенности отнесены 43,3% респондентов – у них имеется три из четырех интересующих нас предметов, и в подавляющем большинстве случаев это автомобиль, компьютер и интернет.

3.6. Жилищная обеспеченность

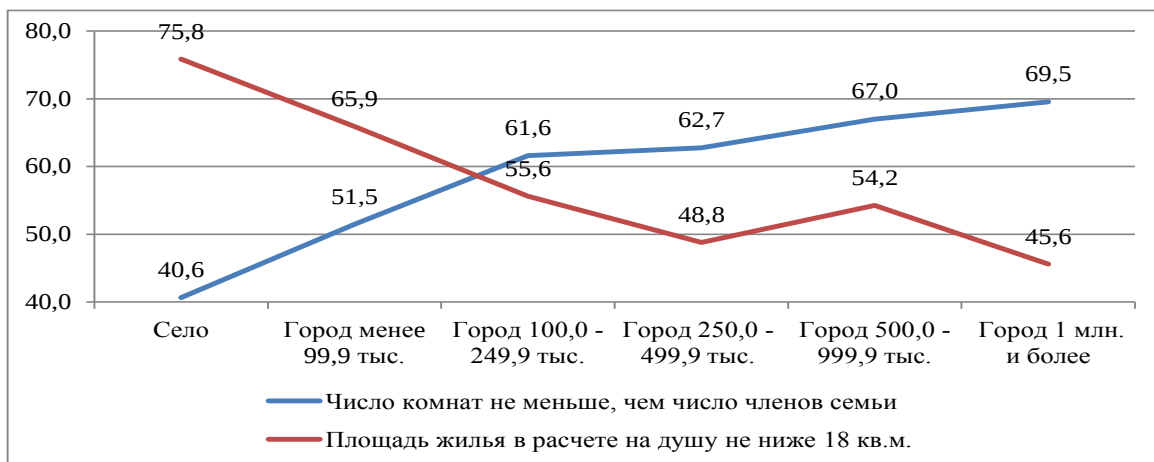
Жилье – одно из ключевых потребительских благ, определяющих сложившееся социально-экономическое неравенство, снижение которого невозможно без удовлетворения базовой потребности современного человека в комфортном жилище. Уровень жилищной обеспеченности входит в набор основных характеристик социально-экономического развития страны, и в государственной политике России проблема повышения обеспеченности населения жильем остается актуальной. Анализ данных обследований Росстата, Всероссийской переписи населения и ряд социологических обследований, проведенных при разработке

авторов НИР, позволяет описать различия жилищной обеспеченности различных групп населения, определить точки эффективных инвестиций и сформулировать приоритеты для политики содействия социально-экономической мобильности населения.

В первую очередь видны поселенческие различия жилищных условий семей. Измерение обеспеченности населения двумя способами: (1) площадью жилья на одного проживающего с выделением доли семей, у которых площадь жилья удовлетворяет социальным нормативам 18 кв. м на душу; и (2) числом комнат в расчете на душу и долей семей, комнат в жилище которых по крайней мере столько же, сколько членов семьи; показывает четкую разнонаправленность этих показателей (Рисунок 3.6). С ростом населенного пункта доля семей, проживающих в просторном по комнатам жилье возрастает с 41% в сельской местности до 70% в городах с населением 1 млн и более. А доля домашних хозяйств, у которых жилье достаточной по социальным нормативам площади, наоборот, с ростом размера населенного пункта убывает с 76% до 46%. Это обусловлено тремя факторами:

- структурой жилищного фонда;
- различиями в размерах и структуре домашних хозяйств;
- распределением домашних хозяйств по жилищам.

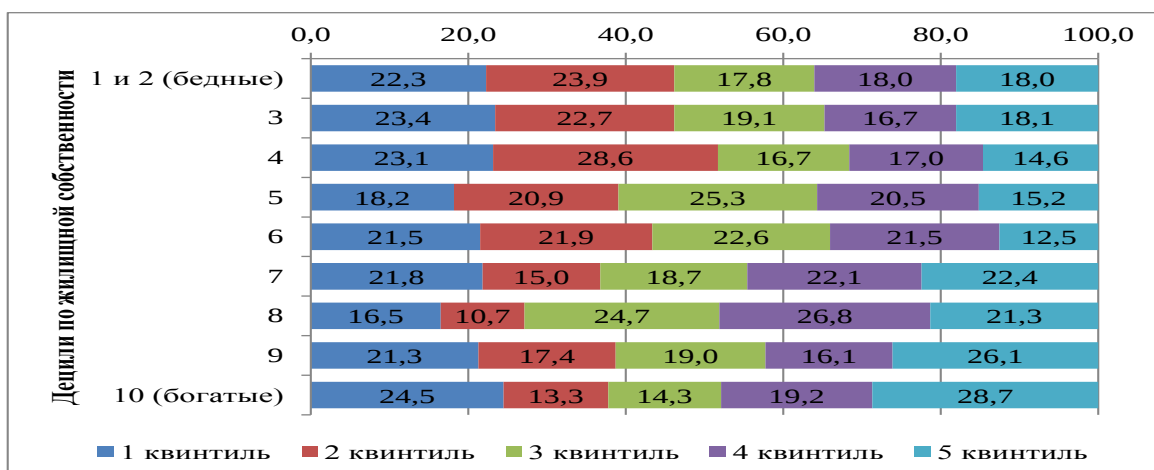
И в то время как изменение структуры жилищного фонда требует больших материальных и временных затрат, а структура семей в ограниченной степени поддается регулированию, оптимизация расселения домашних хозяйств возможна при создании для этого определенных экономических стимулов.

Источник: рассчитано автором по микроданным КОУЖН.

Рисунок 3.6 – Доля домашних хозяйств, проживающих в хороших по объективным показателям жилищных условиях, по типам населенных пунктов, %

Одним из инструментов выравнивания диспропорций в жилищной обеспеченности является налоговая политика: обложение «излишков» жилищной собственности по повышенным ставкам и освобождение от налога в пределах норматива. Исследование эффективности данной меры мы провели, смоделировав распределение жилищной собственности домохозяйств в Москве, основанное на размере их основного жилья. Важно отметить, что 66% домохозяйств полностью владеют своим жилищем, небольшая часть семей владеет им совместно с другими собственниками, и около 24% не имеют жилищной собственности, поэтому отнесены к нижним двум децильным группам по размеру жилищного ресурса. Действуя при упрощенном предположении одинаковой стоимости одного квадратного метра, независимо от типа квартиры, типа и года постройки дома, района и расположения относительно транспортной инфраструктуры, и принимая показатель 20 квадратных метров на человека как пороговое значение «сверх обеспеченности», получаем, что в эту группу попадает 40% домохозяйств или 7-10 децильные группы по размеру жилищной собственности. Наложение показателей уровня доходов в виде квинтильных групп по доходу на стоимость жилищной собственности (Рисунок 3.7) показывает, что каждое пятое домохозяйство из сверх обеспеченных имеет низкие доходы и скорее всего не сможет платить налог по повышенной ставке.

Источник: Рассчитано автором по МиМ-2012.

Рисунок 3.7 – Доходная обеспеченность и размеры жилищной собственности московских семей, %

Так как в группу высокообеспеченных жильем зачастую попадают домохозяйства пенсионеров, придется эти платежи либо перекладывать на плечи

системы социальной поддержки и жилищных субсидий, либо вводить систему льгот, либо заранее согласиться с ростом неплатежей жилищного налога.

Жилищная обеспеченность населения в российской статистике традиционно измеряется общей площадью жилья в расчете на душу, и не так давно она начала приводиться в субъективной оценке стесненности условий проживания. Пересечение классификаций по этим параметрам показывает, что российские домашние хозяйства довольствуются очень низким, с точки зрения жителей европейских стран, потребительским стандартом проживания, и что взгляд на проблему дефицита жилищной обеспеченности населения сквозь призму субъективного ощущения стесненности проживания радикальным образом смягчает ее остроту.

Существует мнение, что статистический учет второго жилья, в том числе загородного, мог бы решить квартирный вопрос. Мы изучили, насколько снижается формальный дефицит жилищной обеспеченности населения при учете второго жилья и дач. Показано, что микроданные обследований населения РФ не дают аргументов в пользу радикального улучшения картины жилищной обеспеченности населения за счет учета второго жилья и индивидуальных домов, дач, пригодных для круглогодичного проживания. Большинство семей, проживающих в очень тесных условиях, не имеет второго жилья, поэтому учет дополнительной жилищной собственности для них ничего не меняет.

Вместе с тем, проживание горожан на дачах хотя бы на время снижает нагрузку и тесноту их жилищных условий. Мы оценили масштабы и факторы данного явления на примере жителей города Москвы, самых верных приверженцев дачного образа жизни. Изучение стратегий проживания на дачах различных социально-экономических групп показало, что средний класс в большей степени использует загородное жилье краткосрочно, на один-два дня, предпочитая проводить отпуск не на даче, а самыми активными дачниками являются дети среднего школьного возраста и пенсионеры.

В ракурсе повышения межпоколенной социально-экономической мобильности проблема тесноты жилья особенно актуальна для семей с детьми, так как обеспеченность родителей определяет экономическое положение детей в отдаленной по времени перспективе. Исследование благосостояния семей с детьми школьного возраста показало, что, несмотря на тесное по объективным параметрам жилье, в целом родители школьников довольно высоко оценивают свои жилищные

условия по субъективной шкале. Даже когда членов семьи больше, чем число комнат, родители стараются обеспечить ребенка-школьника отдельной комнатой, чтобы создать ему максимально удобные условия, и более чем у 60% московских школьников есть своя комната.

Несмотря на недоступность приобретения жилья, домохозяйства видят перспективы улучшения своих жилищных условий. На примере жителей столицы мы изучили масштабы возможных изменений: около 11% семей москвичей собираются улучшить жилье в ближайшие три года, в том числе каждая третья из них рассчитывает на помощь городских программ. Среди источников средств для улучшения жилищных условий, доминируют собственные ресурсы домохозяйств (46%), денежные сбережения, продажа имеющегося жилья для покупки нового, 33% планируют взять ипотечный кредит. Численное оценивание неудовлетворенного спроса на улучшение жилищных условий в г. Москва показало, что более 20% семей жилищные условия не устраивают, но они не рассчитывают на улучшение своей жилищной обеспеченности главным образом по причине отсутствия необходимых средств. Семьи с детьми составляют значительную часть данной группы, и они должны стать целевой группой для политики поддержки межпоколенной мобильности.

4. Экономическая активность и занятость

4.1. Характеристики экономической активности, занятости, безработицы: результаты обследования

В данной работе в основном используются определения занятости, безработицы, экономической активности, согласующиеся с критериями Международной организации труда (МОТ) [о применении см.: Hussmanns et al, 1990; Hussmanns, 2007]. Для определения занятых применялся критерий МОТ наличия любой оплачиваемой работы хотя бы один час в течение недели. Первоначально респондент отвечал на вопрос о своем занятии в настоящее время, допускался множественный выбор. Далее все респонденты, за исключением тех, кто указал, что в настоящее время работает, отвечали на контрольные уточняющие вопросы о наличии оплачиваемой работы или подработки хотя бы один час в течение недели, о временном отсутствии на работе при наличии работы, о работе на семейном предприятии, в т.ч. без оплаты.

На вопрос о занятии в настоящее время 64% опрошенных ответили, что работают (в т.ч. работают и учатся, работают и на пенсии и др.). В ответах на контрольные уточняющие вопросы (отвечали все, кроме тех, кто указал, что работает) доля занятых заметно увеличилась. Как правило, применение уточняющих вопросов заметно улучшает оценку по нестандартно занятым, однако не намного увеличивает число занятых. Отмеченное в рассматриваемом массиве заметное увеличение числа занятых в результате уточняющих вопросов может быть следствием специфики телефонного опроса.

Среди респондентов, не определивших себя в качестве работающих в вопросе о занятии в настоящее время, однако ответивших положительно на уточняющие вопросы, заметно выше доля работающих неполный рабочий день (39% против 8%), существенно выше доля тех, кто отметил временный, сезонный характер своей работы (44% против 7%). Среди них также заметно выше доля самозанятых (25% против 12%).

Поскольку работающие неполный рабочий день, имеющие временную, сезонную работу, а также самозанятые, не равномерно распределены по половозрастным группам населения, среди респондентов, определяемых в качестве занятых на основе уточняющих вопросов, выше удельный вес молодежи до 25 лет,

выше удельный вес женщин. А также выше удельный вес работающих в торговле и сельском хозяйстве.

Инструментарий обследования включает основные критерии безработицы. Учитывается желание иметь оплачиваемую работу, готовность приступить к работе, поиск работы, однако не уточняется активность в поиске работы. В соответствии с указанными критериями, 4% респондентов классифицируются как безработные. Уровень безработицы (отношение безработных к экономически активному населению) в рамках данного массива составляет 6%.

Сравнение уровней занятости по возрастным группам в рамках данного массива с генеральной совокупностью, представленной ОНПЗ², обнаруживает заметные расхождения (см. рисунок 4.1).

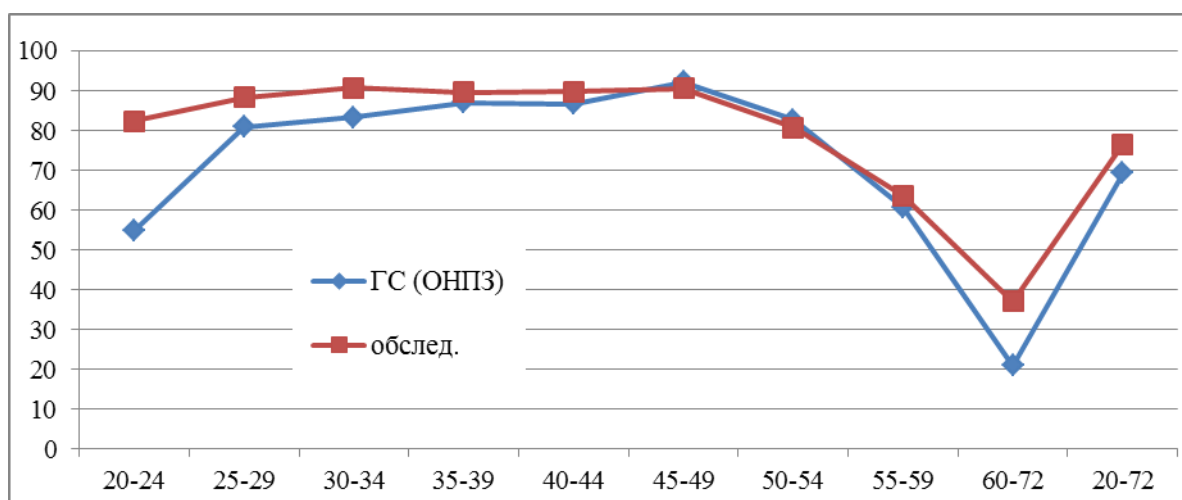

Рисунок 4.1 – Уровни занятости по возрастным группам, ОНПЗ 2 кв. 2013 г. и телефонный опрос, в % к численности возрастной группы

Уровни занятости в возрастных группах 20-24, 60-72 в рамках данного массива значительно выше значений генеральной совокупности. Заметно выше также уровни занятости в возрастных группах 25-29, 30-34. Существенно, что отсутствуют значимые различия в уровне занятости между возрастными группами в интервале от 25 до 49 лет.

Рассмотрение данных обследования с выделением методик определения занятости (самооценка основного занятия и уточняющие вопросы на основе критериев МОТ) показывает, что при использовании только данных самооценки,

² ОНПЗ – Обследования населения по проблемам занятости, проводимые Росстатом по методологии МОТ. Обследования проводятся ежемесячно во всех субъектах РФ, N = 69000. Здесь и далее приведены данные ОНПЗ за 2 квартал 2013 г., пересчитанные для обеспечения сравнимости (возрастная группа 20-72).

уровни занятости в возрастных группах 20-24 и 60-72 по-прежнему выше значений генеральной совокупности (ГС), в остальных возрастных группах уровни занятости ниже соответствующих значений ГС.

Уровень безработицы в рамках обследования сходен со значением в ГС. Однако различаются возрастные «профили» безработицы (см. рисунок 4.2).

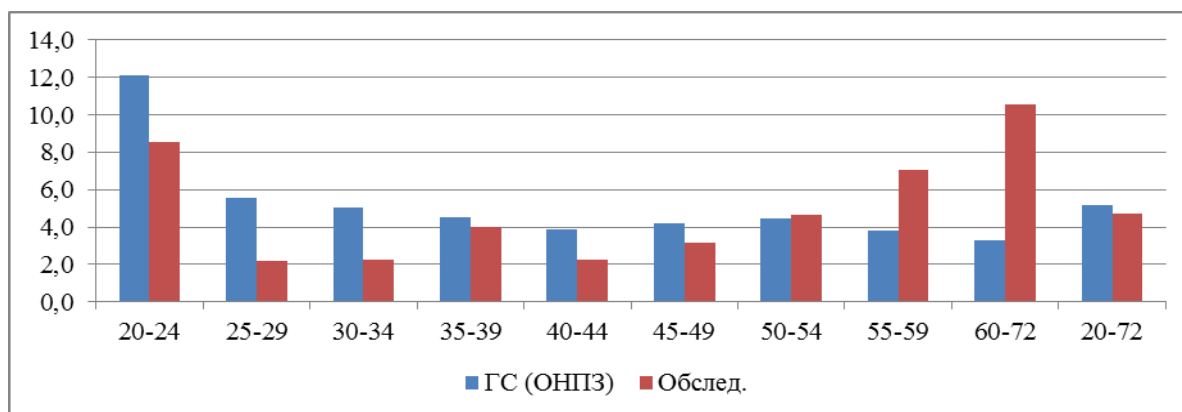

Рисунок 4.2 – Уровни безработицы по возрастным группам, ОНПЗ 2 кв. 2013 г. и телефонный опрос, %

В силу более высоких уровней занятости, уровни экономической активности в возрастных группах 20-29 и 55-72, зафиксированные в рамках обследования, существенно выше соответствующих значений генеральной совокупности.

В целом, зафиксированные расхождения в уровнях занятости с показателями генеральной совокупности свидетельствуют о несоответствии выборки генеральной совокупности³, сдвигах в сторону занятого населения по значительному числу возрастных групп. Полученные данные без дополнительного анализа причин расхождений с ГС вряд ли могут использоваться для анализа процессов на рынке труда. Вместе с тем, для конкретных целей исследования поведения отдельных социальных групп показатели экономической активности и занятости, по-видимому, могут рассматриваться в качестве независимых переменных.

Рассмотрим полученный массив данных в части характеристик условий занятости и безработицы.

86% занятых респондентов отметили, что работают полный рабочий день, полную рабочую неделю. 11% работают неполную неделю (на неполный день,

³ Одно из возможных объяснений – связь занятости и доступности респондентов в рамках телефонных опросов. Наличие мобильных телефонов, в т.ч. включенных (оплаченных), и занятости более очевидно в старших возрастных группах. Наличие стационарных телефонов в сельской местности до настоящего времени тесно связано со статусом и, косвенно, с занятостью. Вместе с тем, высокие уровни занятости в молодых возрастах остаются труднообъяснимыми

неполную ставку), 3% затруднились с ответом. Среди работающих неполный рабочий день выше доля женщин, молодежи до 25 лет и старших возрастных групп. Среди самозанятых удельный вес работающих неполный рабочий день составил 24%, среди занятых в организациях – 9%. В разрезе отраслей выделяется более высокий удельный вес неполной занятости в торговле, общественном питании, бытовом обслуживании (15%).

86% занятых респондентов отметили, что работают по найму, 14% – указали, что работают на себя, являются предпринимателями, лицами свободной профессии, независимыми подрядчиками и пр. Среди самозанятых преобладают мужчины (70%). Две трети самозанятых работают в торговле, строительстве, сельском хозяйстве. В разрезе федеральных округов выделяется более высокая доля самозанятых в Северо-Кавказском федеральном округе (21%).

Среди работающих по найму 88% респондентов отметили постоянный характер своей работы, 11% указали, что работа является временной, сезонной.

На вопрос о заработной плате среди самозанятых затруднились с ответом или отказались от ответа 41% самозанятых. Среди работающих по найму отказались отвечать на вопрос о заработной плате 14% работников. Среднее значение заработной платы, полученное в рамках данного опроса, составило 21,8 тыс. рублей. Средний заработок работников, работающих неполный рабочий день, составил 13,9 тыс. рублей; у работников, работающих полный день – 22,5 тыс. рублей. Значимо различается зарплата по категориям работников: более высокие заработки у руководителей, далее, в порядке убывания: специалисты, служащие, рабочие. В разрезе отраслей выделяются значимо более низкие заработки респондентов, занятых в сельском хозяйстве, здравоохранении, образовании.

Анализ отказов от ответов и затруднений с ответами на вопрос о размере заработной платы среди работающих по найму показывает, как и ожидалось, сильную связь с категорией работника. В большей степени склонны не отвечать на данный вопрос руководители и специалисты (19-21%) в сравнении с рабочими и служащими (10-11%) (см. таблицу 4.1). Работники бюджетной сферы чаще называют размер своей заработной платы в сравнении с работающими в других отраслях. Жители сел и поселков городского типа более склонны отвечать в сравнении с жителями городов. Вероятность определенных ответов выше среди женщин, в сравнении с мужчинами. Те, кого заработная плата не устраивает, менее склонны

скрывать ее размер (10%) в сравнении с теми, кого заработок устраивает (20%). Как показывает анализ, указанные характеристики, будучи частично взаимосвязаны, оказывают независимое влияние на рассматриваемую переменную.

Таблица 4.1 – Анализ не-ответов на вопрос о размере заработной платы по категории работника, сфере деятельности, удовлетворенности заработком, типу населенного пункта, полу респондента

	Скажите, пожалуйста, сколько примерно рублей в месяц Вы зарабатываете?		Сравнение пропорций по столбцам (z-критерий)*		
	Определенный ответ, %	Отказ / затрудн. ответить, %		Определенный ответ	Отказ / затрудн. ответить
<i>Категория работника</i>					
Рабочий	90	10	(A)	C D	
Служащий	89	11	(B)	C D	
Специалист	81	19	(C)		A B
Руководитель	79	21	(D)		A B
<i>Бюджетная /внебюджетная сфера</i>					
Отрасли бюджетной сферы	91	9	(A)	B C	
Другие отрасли	84	16	(B)	C	A
з/о, не определяемые	71	29	(C)		A B
<i>Вас скорее устраивает или скорее не устраивает размер Вашей заработной платы?</i>					
Скорее устраивает	80	20	(A)		B
Скорее не устраивает	90	10	(B)	A	
<i>Тип населенного пункта</i>					
Город	84	16	(A)		B C
Поселок городского типа	91	9	(B)	A	
Село	94	6	(C)	A	
<i>Пол респондента</i>					
Мужской	84	16	(A)		B
Женский	88	12	(B)	A	

* Для целей изложения столбцы представлены по строкам.

Результаты основаны на двусторонних тестах с уровнем значимости 0,05. Для каждой значимой пары буква, обозначающая категорию с меньшей пропорцией, показана в категории с большей пропорцией.

Одна из причин не-ответов на вопрос о размере заработной платы – не устоявшиеся соотношения зарплаток различных должностных, отраслевых групп, не достаточная «легитимность» высоких зарплаток и другие особенности сегодняшнего состояния экономики и общества⁴.

Большинство респондентов положительно оценивают возможности профессионального развития и профессиональной реализации на своей работе. 35%

⁴ Не случайный характер не-ответов не позволяет использовать стандартные методы досчета пропущенных данных

респондентов скорее устраивает размер своей заработной платы, 64% - скорее не устраивает.

Работники отраслей бюджетной сферы в сравнении с работниками других отраслей значимо более удовлетворены возможностями профессионального развития и востребованностью своего квалификационного потенциала, однако их в меньшей степени устраивает размер заработной платы.

Анализ по типам занятости показывает, что работники с устойчивой занятостью (полная занятость, постоянная работа) в большей степени удовлетворены профессиональным развитием и реализацией, в сравнении с неустойчиво занятыми (неполная занятость и/или непостоянная работа). Однако значимые различия между этими типами занятости в вопросе удовлетворенности заработком отсутствуют.

75% работающих респондентов полностью или скорее удовлетворены своей работой, 16% – скорее не удовлетворены, 7% – совсем не удовлетворены. Анализ общей удовлетворенности работой показывает связь с такими характеристиками работы, как категория работника, устойчивость занятости, бюджетная /небюджетная сфера, отрасль, размер заработной платы, тип поселения.

Обследование фиксирует высокую готовность к дополнительной занятости. 77% работающих респондентов отметили, что согласились бы работать больше, если это принесет дополнительный доход. В ответах на данный вопрос нет значимых различий в разрезе категории, пола, отрасли. Значимые различия фиксируются по возрастным группам, устойчивости занятости, размеру заработка на основной работе. Так, среди работающих респондентов в возрасте до 30 лет 85% указывают, что готовы работать больше, если это принесет дополнительный доход. При этом среди работников с неустойчивой занятостью (неполная занятость и/или непостоянная работа) доля таких ответов составляет 91%.

Каждый четвертый – пятый (23%) работающий респондент ответил положительно на вопрос «Пытались ли Вы поменять эту работу?». Анализ показывает, что вероятность попыток смены работы связана со степенью недовольства работой в целом и в особенности заработком; возрастом (выше среди работников до 45 лет); типом населенного пункта (выше среди проживающих в селе и поселках городского типа); устойчивостью занятости (выше среди неустойчиво занятых); сектором (выше среди работников небюджетной сферы); размером заработка на основной работе (выше среди работников с низким заработком).

Анализ опыта территориальной трудовой мобильности показал, что среди респондентов, не менявших в последние пять лет место жительства, каждый пятый указал, что ему (ей) приходилось в течение последних пяти лет, начиная с 2008 года, работать не в том населенном пункте, где он (она) живет сейчас. Вероятность работы не в месте постоянного проживания выше среди мужчин (32%) в сравнении с женщинами (10%); выше среди респондентов в возрасте до 45 лет. Среди тех, кто работает, работа в бюджетной сфере снижает вероятность опыта работы не в своем населенном пункте. Опыт работы в другом населенном пункте чаще встречается среди имеющих непостоянную работу или неполную занятость в сравнении с постоянно занятыми, а также среди самозанятых (31%) в сравнении с работающими в организациях (24%). Среди живущих в селах и поселках городского типа опыт работы в других населенных пунктах заметно выше (26-28%) в сравнении с живущими в городах (17%).

Из тех респондентов, которые указали в каком (каких) населенных пунктах им приходилось работать, большинство – 65% – отметили, что работали в том же субъекте РФ, в котором постоянно проживают. 33% указали другой субъект РФ, 2% – разные населенные пункты в разных субъектах РФ, 1% отметили работу в других странах. Наибольшая доля работавших в другом населенном пункте в рамках своего субъекта РФ среди респондентов, проживающих в селе или поселке городского типа. Среди проживающих в городах и имеющих опыт работы в других населенных пунктах, практически половина выезжали на работу в другой субъект РФ.

Рассмотрение мест работы респондентов, имеющих опыт работы в других субъектах РФ, показывает, что треть временных трудовых мигрантов работали в Москве (34%), 6% – в Московской области. 9% респондентов, имеющих опыт работы в других регионах, указали местом работы Тюменскую область с автономными округами; 8% – Приволжский федеральный округ; 6% – Краснодарский край (преимущественно Сочи), 6% – Санкт-Петербург. Также 6% работавших в других субъектах РФ указали Северо-Кавказский федеральный округ, преимущественно Чеченскую республику и Ставропольский край.

Временную межрегиональную трудовую миграцию в такие трудодефицитные регионы, как Сибирский и Дальневосточный федеральный округа, Северо-Запад (без Санкт-Петербурга) указали менее 9% тех, кто имеет опыт межрегиональной трудовой миграции.

4.2. Основные тенденции в сфере занятости и оплаты труда в России. Заработная плата и кадровые процессы в отраслях социальной сферы

Ограничение предложения труда в условиях необходимости стимулировать экономический рост выводит вопросы труда и в целом человеческих ресурсов на первый план. Исследователи указывают на необходимость существенных изменений государственной политики в сфере труда и связанных с ним областях, перехода «от политики низкой безработицы к политике эффективной занятости», «выхода на принципиально новый уровень производительности труда», компенсирующий снижение численности трудоспособного населения [Малева, 2011]. Отмечаются значительные риски для сохранения жизненных стандартов широких групп населения в случае не достижения целей роста производительности [World Bank, 2012]. «Повестка дня» в сфере труда и занятости смещается в сторону вопросов повышения экономической активности населения, эффективного использования трудовых ресурсов [см.: Коровкин и др., 2011, Широков и др., 2012].

С учетом демографических ограничений, накопленного отставания в отраслях социальной сферы, фундаментом развития экономики и других сфер общественной жизни является повышение эффективности социальной сферы, качество здравоохранения и образования.

В рамках данной работы рассматриваются изменения в уровнях экономической активности и занятости населения, с акцентом на исторические максимумы последних лет, процессы в сфере оплаты труда и изменения неравенства в заработках. Отдельно рассматривается динамика численности, заработной платы и кадровые процессы в отраслях социальной сферы, первые итоги реализации Программы совершенствования системы оплаты труда работников социальной сферы (государственные и муниципальные учреждения).

В последнее десятилетие уровень экономической активности населения РФ устойчиво повышался (см. рисунок 4.3). В 2012 г. уровни экономической активности и занятости являлись максимальными за период, начиная с 1993 г., в целом по группе в возрасте 15-72 и по большинству демографических групп. Максимальные уровни занятости зафиксированы среди мужчин в возрасте 25 лет и старше, среди женщин в возрасте 40 лет и старше.

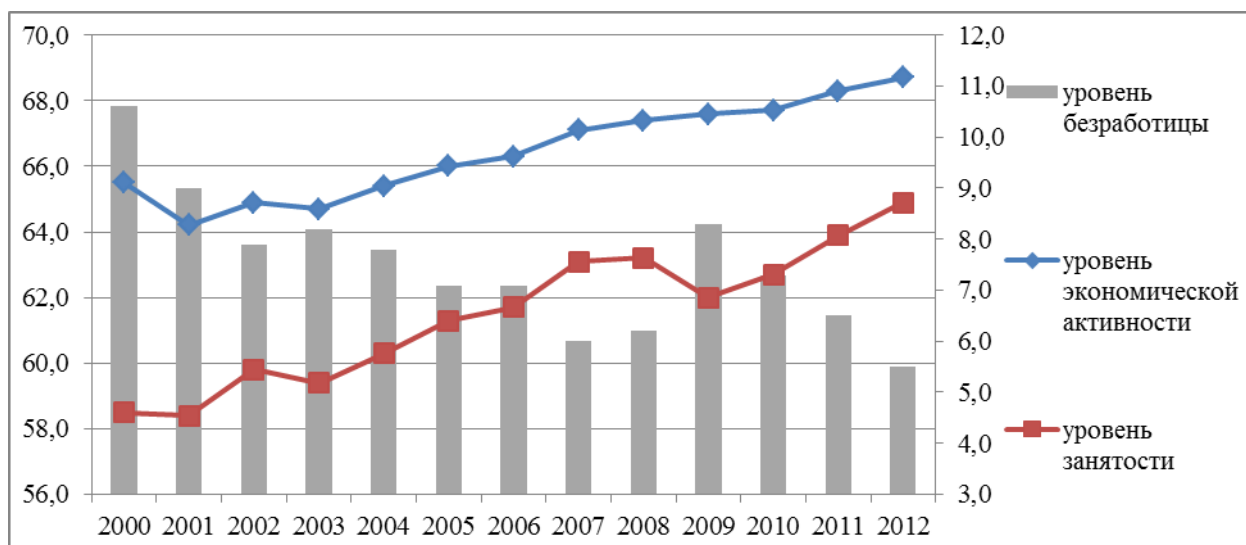

Рисунок 4.3 - Уровни экономической активности, занятости (в % к населению в возрасте 15-72), безработицы (в % к экономически активному населению), 2000-2012 гг., %

Сравнение с показателями по странам ОЭСР обнаруживает, что экономическая активность мужчин и женщин РФ в возрасте 25-54 (90%) превышает средневзвешенные значения по этим странам (81%), близка к показателям стран с максимальными значениями⁵. Участие в рабочей силе в молодых и старших возрастах в РФ уступает средневзвешенным значениям по ОЭСР. Экономическая активность мужчин в возрасте 25-54, будучи немного выше средних по ОЭСР, уступает ряду стран. Экономическая активность женщин РФ в возрасте 24-54 (87%) значительно превосходит средневзвешенное значение по ОЭСР (72%) и значения практически всех стран ОЭСР. Доля работающих неполный рабочий день в РФ (4%) существенно ниже, в сравнении со средневзвешенным показателем (17%) и с абсолютным большинством стран ОЭСР⁶.

Существует вероятность, что в 2012 году большинство демографических групп РФ приблизились к определенному «потолку» в уровне экономической активности и занятости (применительно к существующим в настоящее время условиям).

Численность населения РФ в возрасте 15-72, начиная с 2009 года, уменьшается на 0,3%-0,7% в год. Страна вошла в период воздействия «ямы» 1990-х

⁵ Источник: Статистическое приложение к Обзору занятости ОЭСР за 2013 г., www.oecd.org/els/emp/employmentoutlookstatisticalannex.htm

⁶ Источник: там же.

гг. и рынок труда начало покидать многочисленное поколение 1950-х гг. (см. рисунок 4.4).

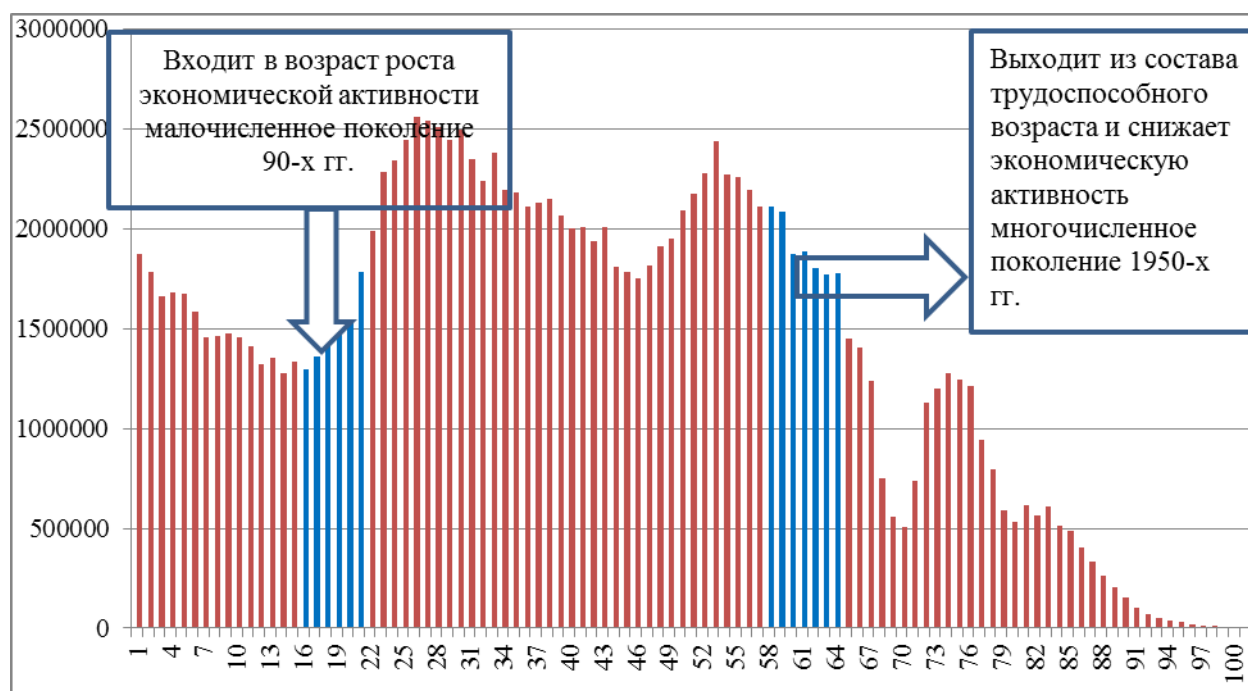

Рисунок 4.4 – Численность постоянного населения РФ на 1 января 2013 года по однолетним возрастным группам, чел.

Ускоренное выбытие опытных работников, не замещаемое в полной мере малочисленным поколением 1990-х гг., сохранит высокий спрос, повышенную активность работодателей в поиске и подборе работников и при низких темпах экономического роста. На ситуацию в разрезе отраслей и профессиональных групп будет влиять возрастная структура занятых, дисбалансы в профессиональной подготовке, различия в привлекательности рабочих мест.

Сценарии на будущее определяются как темпами замедления экономики, так и внутренними процессами на рынке труда. При отсутствии резких шоков уровни занятости и безработицы, по-видимому, будут колебаться в после кризисных границах 2010-2011 гг. Сужение предложения труда и структурные дисбалансы обеспечат рост заработной платы и дальнейшие изменения соотношений уровней оплаты труда различных профессионально-квалификационных, отраслевых, региональных групп.

Доходы от занятости⁷ составляют две трети денежных доходов населения России, являются базовым фактором, определяющим уровень жизни большинства

⁷ Оплата труда, включая скрытую заработную плату.

российских семей. Восстановительный рост в течение последнего десятилетия (с периодом кратковременного спада в 2009 г.) сопровождался ростом реальной заработной платы. Неравенство в зарплатах, резко возросшее в начале 1990-х гг., в течение 2000-х гг. снизилось с экстремально высоких до высоких значений (см. рисунок 4.5).

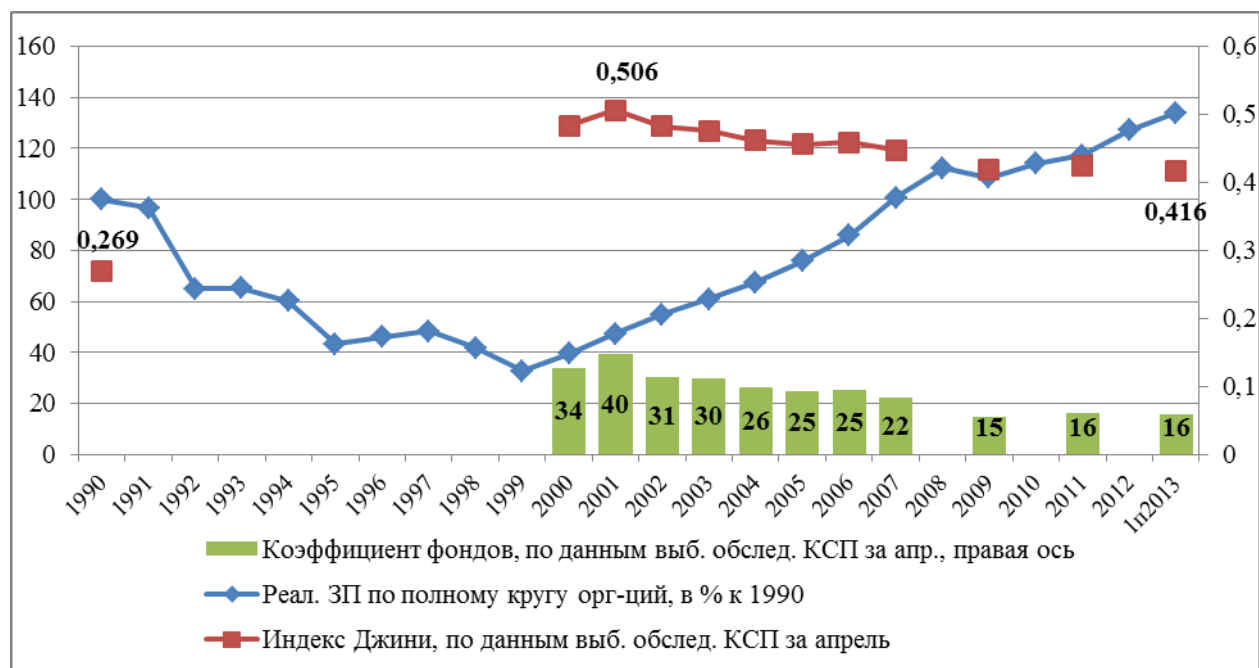

Рисунок 4.5 – Реальная зарплата по полному кругу организаций, в % к 1990 г., индексы Джини и коэффициенты фондов по данным выборочных обследований Росстата

По данным выборочных обследований крупных и средних предприятий, проводимых Росстатом в апреле, индекс Джини по зарплате снизился с 0,5 в 2001 году, до 0,4 в 2013 году. Больше чем в 2 раза снизился коэффициент фондов. За 10 лет сблизились крайние точки распределения, однако дифференциация остается высокой. Дифференциация в верхних группах снизилась, однако она не была проблемой. Основные проблемы были сосредоточены в нижних группах, не смотря на снижение дифференциации в этой части распределения, значения неравенства остаются высокими⁸.

Согласно данным указанных обследований, доля работников крупных и средних предприятий с заработной платой ниже ВПМ трудоспособного населения (ВПМтр) снизилась с 24% в 2005 году до 10% в 2009 году. В 2011 году этот

⁸ Расчет по данным выборочных обследований крупных и средних предприятий по распределению работников по заработной плате, проводимых Росстатом в апреле, с 2009 года – 1 раз в 2 года.

показатель увеличился до 13%, в 2013 г. снизился до 9%⁹. Доля работников с зарплатой в размере от 1 до 2 ВПМ тр в 2009 и 2011 гг. составляла 29-30%.

Данные Обследований показывают, что, не смотря на существенное снижение в 2013 году в сравнении с 2009 и 2011 гг., доля работников крупных и средних предприятий с заработной платой ниже ВПМтр остается значительной среди работников сельского хозяйства (21%), образования (18%), культуры (20%), здравоохранения (13%). В целом, каждый второй работник крупных и средних предприятий с заработной платой ниже ВПМтр, трудится в образовании или здравоохранении (удельный вес этих отраслей в численности работников крупных и средних предприятий составляет 28%).

Работники крупных и средних предприятий составляют 51% среднегодовой численности занятых в экономике. Работники организаций, включая субъекты малого предпринимательства (юридические лица, корпоративный сектор), составляют 68% среднегодовой численности занятых¹⁰. Эти показатели существенно различаются по отраслям. Наибольший удельный вес некорпоративного сектора – в сельском хозяйстве и торговле.

По большинству ВЭД заработная плата на крупных и средних предприятиях значительно выше заработной платы работников малых предприятий. Так, расчеты с использованием данных о заработной плате работников малых предприятий¹¹, показывают, что в 2011 году заработная плата работников крупных и средних предприятий в 1,6 раза превосходила зарплату на малых предприятиях. В т.ч. в 1,7 раз в строительстве, в 1,8 раз в торговле, в 2 раза в транспорте и связи, в 1,5 раза в сельском хозяйстве.

В пересчете на полный круг организаций (с учетом работников малых предприятий), удельный вес работников с заработной платой ниже ВПМтр может составить около 15%, большинство - работники организаций негосударственных форм собственности (сельское хозяйство, торговля и пр.). Ситуация с распространенностью «работающих бедных» существенно различается по регионам.

⁹ За 2005-2011 гг. - показатели, рассчитанные Росстатом на основе региональных ВПМ для трудоспособного населения. В результатах Обследования 2013 г. соответствующий показатель отсутствует, значения за 2013 год являются расчетными, расчет на основе распределения численности работников по размерам заработной платы по РФ в целом и ВПМтр в РФ в 1 кв. 2013 г. По-видимому, учет региональных ВПМтр снизит расчетный показатель на 1%-2%.

¹⁰ Данный показатель постоянно снижается, в 2000 г. он составлял 79%.

¹¹ Малое и среднее предпринимательство в России. – М., Росстат, 2012.

Наличие неформальной занятости и значительной региональной разнородности существенно ограничивают возможность использования института минимальной заработной платы [см. Вишневская Н.Т., 2007, Кобзарь Е.Н., 2009, Ощепков А.Ю., 2013]. Исследователи отмечают, что значимый эффект для сокращения работающих бедных может иметь реформа социальной сферы, ликвидация разрыва в заработной плате с работниками внебюджетного сектора.

Далее мы рассмотрим динамику численности, заработной платы и кадровые процессы в отраслях социальной сферы.

Численность работников образования в последние два десятилетия снизилась, основной объем снижения имел место в сфере дошкольного, начального и полного общего, среднего профессионального образования. Указанные системы функционировали главным образом в условиях снижения числа учеников, приводя в соответствие численность персонала, в т.ч. педагогических работников. В последние годы показатели нагрузки (соотношение учеников и педагогов) превысили значения начала 1990-х гг., как в детских дошкольных учреждениях, так и в школах.

В сфере здравоохранения сложилась принципиально другая ситуация: объемы работ, выраженные в заболеваемости населения, устойчиво росли в течение всего периода. Численность врачей по части специальностей увеличилась (стоматологи, неврологи и др.), по части специальностей (хирурги, педиатры, фтизиатры и др.) уменьшилась. Сравнение с другими странами показывают недостаточную обеспеченность населения России врачами клинических специальностей, в целом более низкий удельный вес работников здравоохранения и обеспечения социальных услуг в среднегодовой численности занятых в экономике.

В 1990-1999 гг. величина снижения реальных заработков в отраслях соцсферы была более значительной, чем в среднем по экономике, в 2000-2012 гг. имел место опережающий рост. В последнее десятилетие соотношение зарплат в отраслях соцсферы со средней зарплатой в экономике увеличилось до значений позднего советского периода. В образовании соотношение заработков выросло с 56% в 2000 г. до 71% в 2012 г., в здравоохранении - с 60% в 2000 г. до 78% в 2012 г.

Для советского периода были характерны более низкие заработки в образовании и здравоохранении, в сравнении со средней зарплатой по экономике. В рыночных экономиках заработная плата в этих отраслях превышает или ненамного уступает средним заработкам по экономике (см. рисунок 4.6).

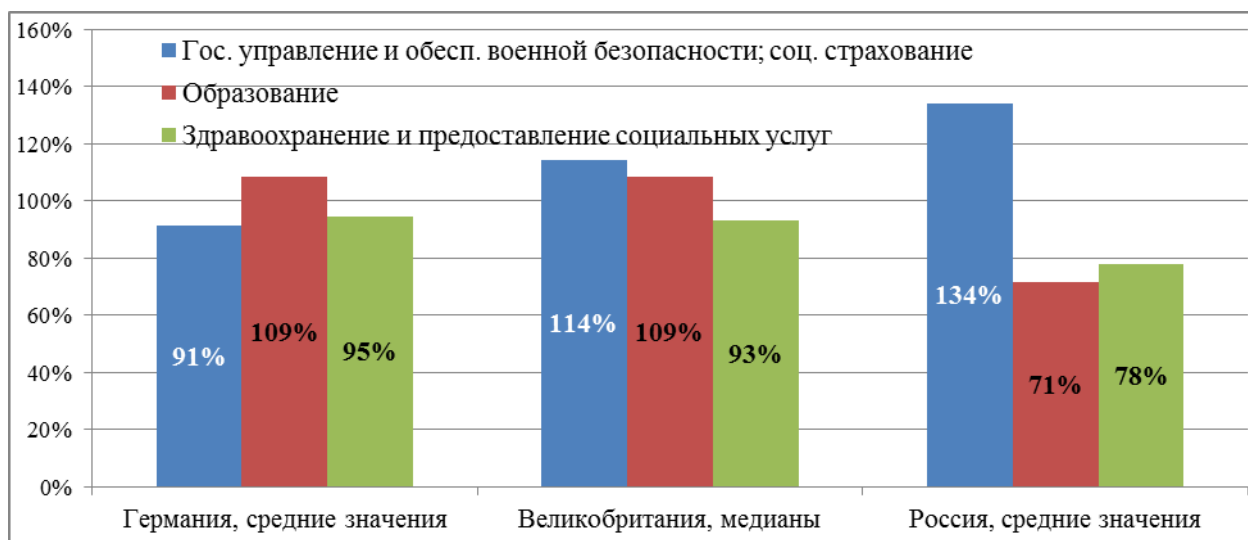

Рисунок 4.6 – Отношение общего заработка (до вычета налогов и обязательных отчислений) по отдельным ВЭД к средней по стране (Германия – средние значения, Великобритания – медианы)¹², Россия - среднемесячные зарплаты, 2012 г., %

Как следствие внутриотраслевых структурных изменений, увеличения доли более высокооплачиваемых работников высшего образования при снижении доли работников дошкольного образования, увеличения доли врачей при снижении доли среднего медицинского персонала и других факторов, рост средней заработной платы в образовании и здравоохранении опережал рост заработной платы основных категорий работников (см. рисунок 4.7).

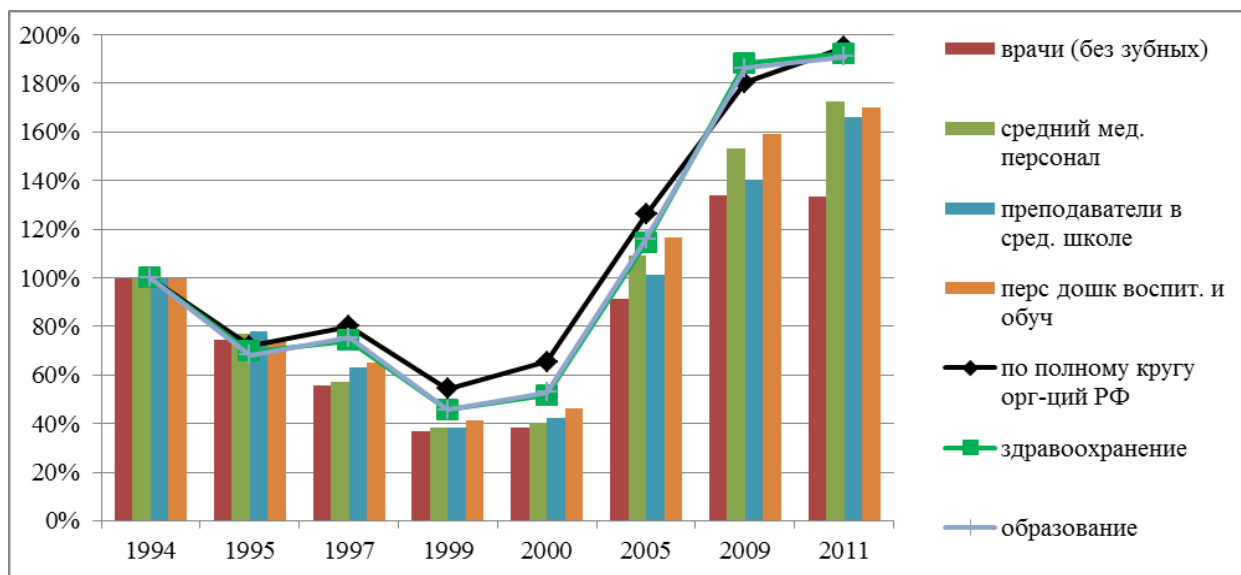

Рисунок 4.7 – Изменение реальной заработной платы, в % в 1994 г. (1994 = 100%)¹³

¹² Занятые полный рабочий день, данные национальных статистических агентств. Источники: <http://www.ons.gov.uk/ons/publications/re-reference-tables.html?edition=tcn%3A77-294314>
<https://www.destatis.de/EN/FactsFigures/NationalEconomyEnvironment/EarningsLabourCosts/EarningsBranchEconomicActivity/Tables/YearlyGrossEarnings.html>

Отношение средней заработной платы персонала в сфере дошкольного воспитания и обучения к средней зарплате по экономике снизилось с 62% в 1994 г. до 54% в 2011 г. Соответствующий показатель по медицинским сестрам снизился с 83% в 1994 г. до 71% в 2011 г., по врачам (без зубных) составил 157% в 1994 г. и 107% в 2011 г.

Учитывая сложность и высокую значимость работ в сфере здравоохранения и образования, труд специалистов данных отраслей в большинстве экономик мира оплачивается выше, в сравнении с большинством других профессиональных групп. Так, заработная плата врачей - специалистов во многих странах Западной Европы (Австрия, Дания, Германия и др.), а также в Канаде, Австралии, ряде других стран, в 4-5 раз превышает среднюю зарплату по данным странам¹⁴. Во Франции, Великобритании, Италии, Финляндии и других превышение составляет от 2,6 до 3,5 раз. Заработная плата врачей общей практики превышает среднюю заработную плату в указанных странах в 2-3,7 раза. В Мексике зарплата врачей-специалистов в 4,6 раза превышает среднюю зарплату по экономике, показатель по врачам общей практики – превышение в 3,5 раза. В Турции аналогичные показатели составляют 3,8 и 2 раза. Более низкие соотношения (от 1,4 до 1,9) фиксируются в странах Восточной Европы (Венгрия, Чехия и др.). Заработная плата квалифицированных медицинских сестер в большинстве стран Западной Европы, а также в Канаде, Австралии, США, равна средней зарплате в экономике или превышает ее на 10-30%. Исключение – ряд стран Восточной Европы (соотношение от 0,8 до 0,9).

Анализ заработной платы по сравнимым профессионально-квалификационным группам (выборочное обследование крупных и средних предприятий, Росстат, октябрь 2011) показывает, что зарплата специалистов высшего и среднего уровня квалификации в образовании и здравоохранении в РФ существенно уступает заработной плате аналогичных групп в других отраслях.

Исследования межсекторных разрывов в заработках, с учетом персональных характеристик работников и характеристик рабочих мест, делают вывод о наличии «штрафа», существенной недоплаты работникам бюджетного сектора в сравнении с аналогичными работниками внебюджетного сектора [см.: Гимпельсон В.Е.,

¹³ Сведения о заработной плате по группам работников - по данным выборочных обследований Росстата за октябрь (работавшие полный рабочий день, все рабочие дни октября, крупные и средние предприятия). Источники: Социальное положение и уровень жизни населения России. – М., Росстат, 2000, 2003; Труд и занятость в России. – М., Росстат, 2007, 2011.

¹⁴ См. "Health at a Glance 2011: OECD Indicators - OECD 2011", графики 3.4.1 - 3.4.2.

Лукьянова А.Л., 2007; В.Е. Гимпельсон, Р.И. Капелюшников и др., 2009; А.В. Шарунина, 2012]. Авторы отмечают отличие ситуации в России от экономик других стран, где работа в бюджетном секторе скорее означает «премию», чем «штраф».

В целом, уровень государственных расходов на социальную сферу в России уступает странам ОЭСР. Государственные расходы на образование в России в 2010 году составили 4,2% ВВП, увеличившись в сравнении с 2005 г. (3,7%). Показатель по странам ОЭСР в 2010 году составил 5,8% ВВП. Государственные расходы на здравоохранение в России увеличились с 2,1% ВВП в 2000 году до 3,7% ВВП в 2010 году. В 2011-2012 гг. данный показатель составил 3,5% и 3,6% соответственно.

Уровень государственных расходов на здравоохранение в странах ОЭСР с аналогичным показателем ВВП на душу населения составляет 5-6%. Государственные расходы на здравоохранение в России в расчете на душу населения в абсолютном выражении (в долл. США по паритету покупательной способности) составляют менее половины аналогичного показателя в Словении и Чехии. На 25-30% меньше показателей Венгрии, Эстонии и Польши (см. рисунок 4.8).

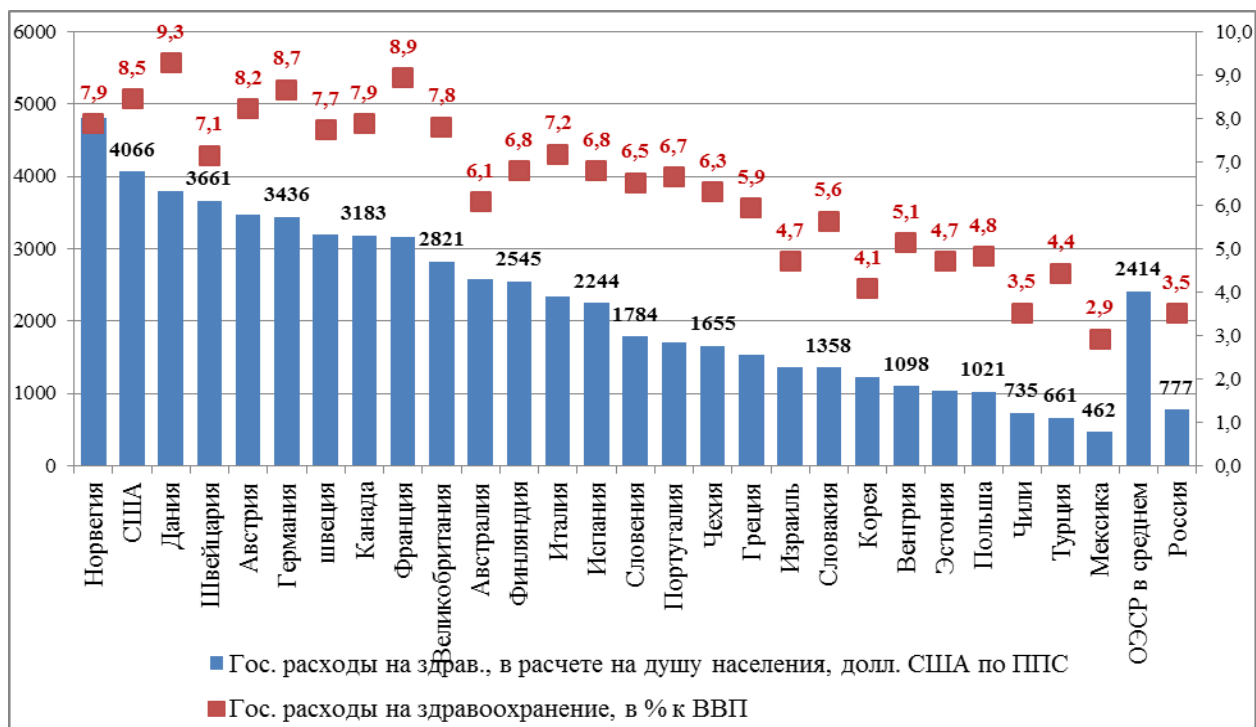

Рисунок 4.8 – Государственные расходы на здравоохранение (включая фонды соц. страхования/ государственные внебюджетные фонды), 2011¹⁵

¹⁵ Источники: база данных ОЭСР (<http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=SHA>); по РФ - расчет на основе данных Росстата, использован показатель паритета покупательной способности для ВВП (<http://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=PPPGDP>).

Недостаточный уровень конкурентоспособности заработной платы на фоне стабильной или сокращающейся занятости обусловил активное «старение» отраслей, недостаточный приток молодых специалистов, в т.ч. как результат трудоустройства выпускников соответствующих вузов не по специальности, в целом проблемы с кадровым обеспечением. Так, выборочные обследования крупных и средних предприятий о потребности в работниках для замещения вакантных рабочих мест, проводимые Росстатом, показывают устойчиво высокие значения дефицита работников в сфере здравоохранения и предоставления социальных услуг. По данным обследования, проведенного в октябре 2012 года, в здравоохранении зафиксирован максимальный дефицит работников, в сравнении с другими ВЭД (см. рисунок 4.9).

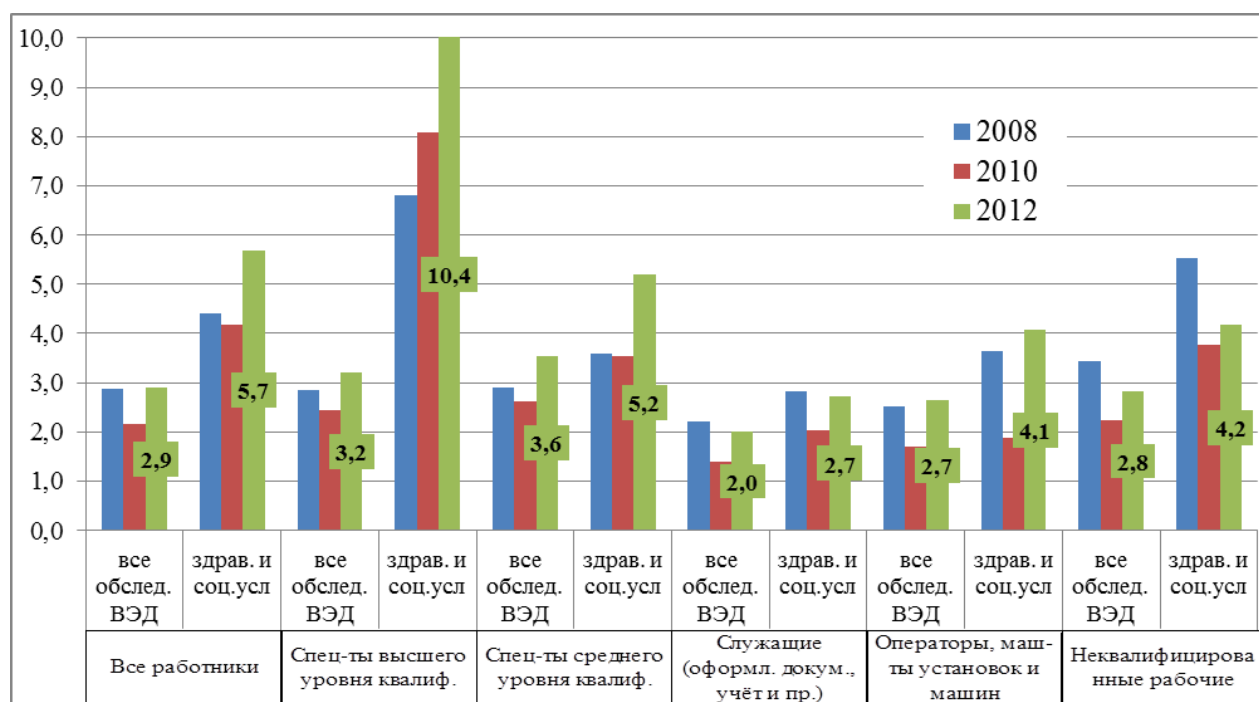

Рисунок 4.9 – Удельный вес потребности в работниках, в % к списочной численности работников, по укрупненным проф. группам, все обследованные ВЭД, здравоохранение и предоставление социальных услуг, на 31 октября 2008, 2010, 2012 гг.¹⁶, %

Анализ по дробным группам работников показывает максимальный дефицит по составной группе «специалисты в области здравоохранения, биологических, сельскохозяйственных наук». В 2012 году по данной группе дефицит составил 12%. По базовой группе «врачи (без зубных)» этот показатель составляет более 13%.

¹⁶ Источник: Росстат, данные выборочных обследований крупных и средних предприятий о численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам, форма № 1-т (проф).

В настоящее время в число наиболее значимых процессов, затрагивающих рынки труда, входит повышение заработной платы работникам социальной сферы в соответствии с «майскими» Указами Президента РФ¹⁷. Правительством РФ предпринимаются усилия, в т.ч. на базе повышения привлекательности работы в отраслях, повысить эффективность социальной сферы, улучшить качество здравоохранения и образования.

Принята Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 гг. (далее – Программа). Программа увязывает вопросы повышения заработной платы, организации и нормирования труда, оценки и стимулирования работников, развития кадрового потенциала, с вопросами повышения качества услуг отраслей социальной сферы. Фундаментом работы являются стандарты и нормативы предоставления социальных услуг, отражающие современные требования к их качеству и результативности. Важной частью и необходимым условием реализации этих стандартов является разработка профессиональных стандартов, норм труда, вопросы организации труда в целом. Базисом работы по улучшению качества социальных услуг являются вопросы развития кадрового потенциала, оценки и стимулирования труда. Неотъемлемая часть общего механизма – развитие независимой системы оценки качества услуг. Впервые за длительное время министерства и регионы выстраивают комплексные подходы к развитию отраслей. Не смотря на все возможные неточности и неудачи, это существенный шаг вперед.

Важным элементом Программы является повышение заработной платы работников социальной сферы, основной упор сделан на устранение значительного отставания в заработной плате работников социальной сферы с акцентом на внутри региональную составляющую. В качестве основного инструмента используется соотношение заработной платы отдельных категорий работников социальной сферы и средней заработной платы в регионах. В рамках Программы с 1 квартала 2013 г. введено регулярное статистическое наблюдение показателей по труду данных категорий работников (численность, заработная плата и др.).

По данным статистического наблюдения за 9 месяцев 2013 года, численность целевых категорий работников, по которым установлены индикативные значения

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации № 597 от 7.05.2012 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики».

соотношений со средней заработной платы в субъектах РФ, составила 6138,2 тыс. человек (среднесписочная численность без внешних совместителей). Целевые категории составляют большинство работников организаций государственных и муниципальных форм собственности в образовании, здравоохранении и предоставлении социальных услуг, научных исследованиях и разработках, культуре.

Результаты статистического наблюдения за январь – сентябрь 2013 года показывают, что по значительному числу целевых категорий работников, индикативные показатели, установленные на 2013 год, выполнены в подавляющем большинстве субъектов РФ. Сложности в достижении индикативных показателей выявлены по категориям: педагогические работники дошкольных образовательных учреждений, педагогические работники учреждений дополнительного образования детей, научные сотрудники, младший медицинский персонал. В целом, в этот период рост заработной платы в отраслях социальной сферы значительно опережает рост заработной платы в среднем по экономике.

Признавая безусловный приоритет обеспечения конкурентоспособности заработной платы в отраслях социальной сферы, необходимо отметить ограничения применяемого инструмента (соотношение со средней зарплатой в регионе).

Показатель «средняя заработная плата» учитывает заработную плату работников организаций, не учитывает оплату труда в некорпоративном секторе. Удельный вес работников организаций в среднегодовой численности занятых в экономике России в 2012 году составил 68%. Данный показатель существенно различается по субъектам РФ с разной структурой экономики. В тех регионах, где выше удельный вес занятых в сельском хозяйстве, в торговле, строительстве и других ВЭД с высокой долей некорпоративного сектора, данный показатель ниже. Так, в Республике Дагестан работники организаций составляют 38% среднегодовой численности занятых, в Чукотском АО - 89%.

В регионах с более низкой долей занятости в корпоративном секторе, более низкой диверсификацией экономики и общим низким уровнем занятости, в числе занятых в организациях высок удельный вес работников социальной сферы, государственного управления и обеспечения военной безопасности. По отдельным субъектам РФ данный показатель достигает 62-67%. В этих субъектах РФ фонд оплаты труда (ФОТ) бюджетного сектора составляет более половины ФОТ всех работников организаций. Соответственно, рост заработной платы в данном секторе

вносит намного более существенный вклад в показатель роста средней заработной платы и в сам показатель средней заработной платы в регионе.

В части регионов – лидеров по уровню заработной платы работников социальной сферы, наблюдается невыполнение ряда индикативных показателей. Вместе с тем, при существующем уровне оплаты труда данные субъекты РФ (Москва, Ямало-Ненецкий АО и др.) являются привлекательными для высококвалифицированных специалистов, в т.ч. из других регионов РФ.

Учитывая, что региональные рынки труда зачастую объединяют соседние субъекты РФ и функционируют по одним закономерностям, в ряде случаев оптимальным является координация оплаты труда работников социальной сферы в рамках групп субъектов РФ.

В целом, анализ данных статистического наблюдения за 9 месяцев 2013 года показывает необходимость более точного учета особенностей отдельных субъектов РФ и вопросов внутриотраслевой сбалансированности системы оплаты труда работников социальной сферы.

Длительное недофинансирование отраслей социальной сферы, не достаточно отлаженная система управления, накопленные проблемы в кадровом обеспечении, технической оснащенности, технологии и организации труда работников, - делают задачу модернизации отраслей крайне сложной. Риски недостижения цели модернизации отраслей довольно высоки. Базовая причина – продолжение практики недофинансирования (в т.ч. в виде недофинансирования регионов из средств федерального бюджета). Серьезное препятствие – сложная многоуровневая система управления со значительной степенью автономии каждого уровня. Дополнительно осложняет работу отсутствие готовых «рецептов» для многих нерешенных задач.

Отрасли социальной сферы обеспечивают воспроизводство и развитие человеческого капитала, играют важную роль в преодолении бедности и социального неравенства, являются фундаментом экономического и социального развития современных государств. С учетом накопленного отставания, решение вопросов эффективности социальной сферы, качества здравоохранения и образования является необходимым условием нового качества экономического роста.

5. Социальные ресурсы сокращения неравенства

5.1. Ресурсные функции образования

Исследования процессов вертикальной мобильности, проводимые нами на протяжении 90-х – первого десятилетия 2000-х годов, показывают, что наращивание образовательного ресурса явным образом расширяет шансы продвижения по доходной и статусной лестнице. Вместе с тем был выявлен ряд рисков, связанных со структурной перестройкой экономики, состоянием рынка труда и общественной жизни, которые определили разорванность четкой связи между уровнем образования и уровнями дохода и общественного положения для значительных групп населения, что привело к появлению достаточно распространенного феномена образованных, занятых и при этом низкодоходных слоев. Высокий уровень образования, под которым в большинстве случаев подразумевается окончание вуза, в постреформенный период становится фактором успеха тогда, когда выступает элементом развитой структуры индивидуальных ресурсов, включающей также социальные связи и мотивации к освоению «правил игры».

Устойчивый спрос на высшее образование, подтвержденный расширением предложения на рынке образовательных услуг, привел к расширению высокообразованных групп населения. При этом дальнейшее сохранение дисфункций в системе «рынок образования – рынок труда» способно привести к воспроизводству и закреплению деструктивного неравенства, при котором высокий уровень человеческого потенциала страны не сможет быть использован в качестве ресурса модернизации и распространения социальных практик, имманентных развитым социально-экономическим системам.

Уровень образования респондентов отражен в таблице 5.1.

Таблица 5.1 - Распределение выборочной совокупности и населения России по уровням образования, % по столбцу

Уровень образования	В выборочной совокупности	По данным Всероссийской переписи населения
Высшее	33,3	23,8
Неполное высшее	6,4	4,8
Среднее профессиональное	42,6	32,5
Начальное профессиональное	3,3	5,8
Нет профессионального	14,4	33,1
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Единственной группой, имеющей существенные ограничения в поиске работы, являются не получившие никакого профессионального образования. Незначительный уровень дифференциации по факту наличия работы в зависимости от уровня полученного профессионального образования становится гораздо ощутимее при рассмотрении особенностей занятости. Так, начальное профессиональное образование в наименьшей степени взаимоувязано с полной занятостью на постоянной работе (немногим более двух третей работающих). Обладающие вузовским дипломом вдвое реже работают непостоянно или на условиях неполной занятости.

Бюджетный сектор, традиционно обеспечивающий стабильность занятости и становящийся в последние годы более привлекательным в силу повышения заработной платы, выставляет серьезные требования к образовательному уровню работников – среди обладающих вузовским дипломом там трудятся более трети опрошенных. Отсутствие высшего образования кардинально снижает шансы трудоустройства в бюджетном секторе, при этом статус диплома более низкого уровня не играет практически никакой роли (Таблица 5.2).

Таблица 5.2 - Занятость в бюджетном и не бюджетном секторах в зависимости от уровня образования, % по столбцу

Занятость	Уровень образования					В целом
	Нет профессионального.	Начальное профессиональное	Среднее профессиональное	Незаконченное высшее	Высшее	
Бюджетный сектор	19,1	21,8	23,6	23,9	34,1	26,9
Не бюджетный сектор	80,9	78,2	76,4	76,1	65,9	73,1
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Имеющие высшее образование чаще всего работают по специальности (45,2%). По специальности работают более трети опрошенных со средним и начальным профессиональным образованием (36,4% и 35,9% соответственно), и всего 27,6% тех, у кого незаконченное высшее образование. В то же время в первых двух группа по близкой к полученной специальности работает десятая часть респондентов, а в последней – каждый пятый (Таблица 5.3).

Таблица 5.3 - Работа по специальности в зависимости от уровня образования, % по столбцу

Связь специальности и профиля работы	Уровень образования (имеющие специальность)				В целом
	Начальное профессиональное	Среднее профессиональное	Незаконченное высшее	Высшее	
По специальности	35,9	36,4	27,6	45,2	39,4
По близкой специальности	9,0	10,4	20,4	24,2	16,8
Не по специальности	55,1	53,2	52,0	30,6	43,8
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Респонденты, принявшие участие в обследовании, продемонстрировали высокий уровень удовлетворенности работой – в каждой образовательной группе довольны или скорее довольны более 70%. Среди имеющих высшее (незаконченное высшее) образование минимальная доля ответивших, что совершенно недовольны своей работой.

Ситуация с удовлетворенностью оплатой труда противоположна удовлетворенности работой - в целом по выборке почти две трети фиксируют несоответствие реальности желаемому, при этом в каждой образовательной группе доля таких ответов превышает 60%. Наивысший уровень соответствия ожиданиям демонстрируют имеющие незаконченное высшее и высшее образование, а самый низкий – респонденты с начальным профессиональным образованием.

При рассмотрении реализуемости образования различного уровня в достижение высоких и средних значений видно, что чаще всего в двух самых низкодходных квинтильных группах оказываются респонденты, у которых нет профессионального образования, или присутствует начальное профессиональное (около 57%). В группе со средним профессиональным образованием к первым двум квинтилям относятся 43,7% респондентов, а при наличии высшего (незаконченного

высшего) происходит резкое снижение доли низкодоходных до 25% - 29%. В группе с высшим образованием отмечена наибольшая доля тех, кто принадлежит к самому высокодоходному квинтилю – 28,5%, что кардинально превышает значения, отмеченные в других образовательных группах.

Существует явная взаимосвязь между востребованностью на рабочем месте знаний и умений с тем, насколько выполняемая работа соотносится со специальностью. Невостребованность профессионально-квалификационного потенциала практически не отмечается в том случае, если профили работы и образования полностью соответствуют друг другу, а полная востребованность отмечается в 78% случаев. При неполном соответствии работы полученному образованию, полная и частичная востребованность встречаются с практически равной частотой. В ситуации работы не по специальности существенно (до 14%) возрастает вероятность невостребованности полученных в учебном заведении знаний и умений.

Задачи повышения эффективности и модернизации экономики, декларируемые в последние годы властными институтами, конкуренция и мобильность трудовых ресурсов, неполное соответствие возможностей системы профессионального образования требованиям работодателей – все это актуализирует внимание к системе дополнительного образования. Наше исследование, основанное на выборочной совокупности, смещенной в сторону высокообразованных слоев населения, показывает, что за последние пять лет дополнительное образование получили более трети респондентов (Рисунок 5.1).

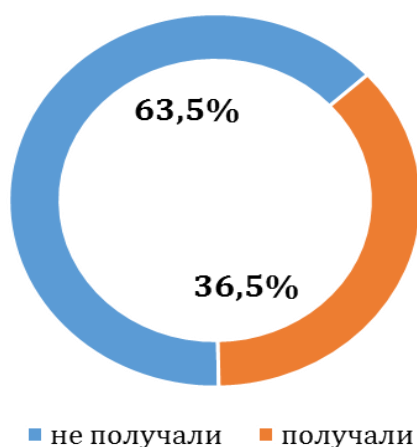

Рисунок 5.1 – Получение дополнительного образования в период пяти последних лет

Можно ожидать, что определенные различия в ответах на вопрос о получении дополнительного образования будут характерны для разных возрастных групп. Действительно, существует определенный градиент возрастных групп по признаку распространенности дополнительного образования. На одном полюсе находится группа респондентов от 60 лет и старше – лишь 15,8% людей этого возраста получали дополнительное образование. Значительно больше таких (37,3%) в возрастной когорте от 50 до 59 лет. Среди респондентов в возрасте от 18 до 29 лет дополнительное образование получали 39,6%, а в возрастной категории от 40 до 49 лет - 43,7% опрошенных. На другом полюсе представлена группа от 30 до 39 лет: среди них дополнительное образование получали 46,2% из числа всех опрошенных

Данные проведенного опроса показывают, что практика дополнительного образования более распространена среди жителей городов, чем у представителей других типов поселений. Среди горожан 39,9% получали дополнительное образование, в числе жителей поселков городского типа доля таких людей составляет уже 32,3%. И, наконец, для сельчан это число еще меньше – 28,9%. Это позволяет утверждать, что получение дополнительного образования является в большей степени городской практикой.

Значительная дифференциация наблюдается среди людей, имеющих разный уровень базового образования. Так, среди респондентов, которые закончили только школу, доля тех, кто получал дополнительное образование, минимальна. В группе имеющих высшее образование стратегия обращения к дообучению и переподготовке выражена наиболее явно (Таблица 5.4).

Таблица 5.4– Получение дополнительного образования в зависимости от уровня образования, % по строке

Уровень образования	Получение дополнительного образования		
	Не получали	Получали	<i>Всего</i>
Начальное или общее (школа)	85,8	14,2	<i>100,0</i>
Начальное профессиональное	70,8	29,2	<i>100,0</i>
Среднее профессиональное	69,8	30,2	<i>100,0</i>
Незаконченное высшее	50,6	49,4	<i>100,0</i>
Высшее	47,7	52,3	<i>100,0</i>

На основе информации об уровне базового и факте получения дополнительного образования в работе реализована интегральная типология образовательного потенциала. Нашими задачами являются:

- определить распространенность образовательного потенциала различных типов;
- выявить дифференциацию образовательного потенциала в разрезе социально-экономических групп;
- рассмотреть возможности и пределы реализации образовательного потенциала в достижение высоких позиций.

Типология образовательного потенциала имеет следующий вид:

1 группа (минимальный образовательный потенциал) – не имеющие профессионального образования и не получившие за последние пять лет никакого дополнительного образования – 13,1%;

2 группа - не имеющие профессионального образования и получившие за последние пять лет какое-либо дополнительное образование – 2,2%;

3 группа – имеющие начальное или среднее профессиональное образование и не получившие за последние пять лет никакого дополнительного образования – 34,3%;

4 группа – имеющие начальное или среднее профессиональное образование и получившие за последние пять лет какое-либо дополнительное образование – 14,8%;

5 группа – имеющие высшее образование и не получившие за последние пять лет никакого дополнительного образования – 17,0%;

6 группа (максимальный образовательный потенциал) – имеющие высшее образование и получившие за последние пять лет какое-либо дополнительное образование – 18,6%.

Наличие максимального образовательного потенциала наиболее вероятно в группе 30-39 лет (более четверти опрошенных). Достаточно высокая доля респондентов, имеющих такое образование, отмечается также в более возрастных группах, не достигших пенсионного возраста (Таблица 5.5).

Таблица 5.5– Распределение образовательного потенциала по возрастным группам, % по строке

Возраст	Образовательный потенциал						Всего
	Нет профессионального образования, нет дополнительного	Нет профессионального образования, есть дополнительное	Начальное или среднее профессиональное образование, нет дополнительного	Начальное или среднее профессиональное образование, есть дополнительное	Высшее образование, нет дополнительного	Высшее образование, есть дополнительное	
18-29 лет	14,0	3,8	30,2	16,6	18,7	16,7	100,0
30-39 лет	10,1	2,4	27,4	16,7	16,5	26,9	100,0
40-49 лет	10,8	2,4	34,4	19,5	11,4	21,5	100,0
50-59 лет	11,3	2,2	38,4	15,6	13,4	19,1	100,0
60 лет и старше	19,0	0,1	40,9	6,1	24,2	9,7	100,0

Данные следующей таблицы подтверждают сделанный выше вывод о том, что образовательный потенциал сконцентрирован, преимущественно, в городах. Наполненность двух полярных образовательных сегментов выборки практически зеркальна – минимальный образовательный потенциал в сельских поселениях встречается более чем в два раза чаще, а максимальный – реже (Таблица 5.6). Таблица 5.6– Тип населенного пункта в зависимости от образовательного потенциала, % по строке

Тип населенного пункта	Образовательный потенциал						Всего
	Нет профессионального образования, нет дополнительного	Нет профессионального образования, есть дополнительное	Начальное или среднее профессиональное образование, нет дополнительного	Начальное или среднее профессиональное образование, есть дополнительное	Высшее образование, нет дополнительного	Высшее образование, есть дополнительное	
Город	9,6	2,2	30,3	14,0	20,9	23,0	100,0
Поселок городского типа	16,2	1,8	41,6	15,7	11,3	13,4	100,0
Село	20,9	2,5	41,8	16,1	9,3	9,4	100,0

Как показывают результаты опроса, среди занятых минимальный образовательный потенциал встречается в 2,5 раза (!) реже, чем среди безработных. Наполненность группы высокого образовательного потенциала в числе имеющих работу составляет 12%, а не имеющих - 23,5%. Образовательный потенциал экономически не активного населения не может сравниться с тем, которым обладают работающие, однако он превышает уровень, зафиксированный у экономически активного населения, не имеющего работу (Таблица 5.7).

Таблица 5.7 – Статус занятости в зависимости от образовательного потенциала, % по строке

Статус занятости	Образовательный потенциал						Всего
	Нет профессионального образования, нет дополнительного	Нет профессионального образования, есть дополнительное	Начальное или среднее профессиональное образование, нет дополнительного	Начальное или среднее профессиональное образование, есть дополнительное	Высшее образование, нет дополнительного	Высшее образование, есть дополнительное	
Занятые	9,4	2,4	30,4	18,3	16,0	23,5	100,0
Безработные	25,6	4,5	34,0	9,0	14,7	12,2	100,0
Экономически не активные	22,2	1,1	46,4	5,0	20,5	4,8	100,0

Развитый образовательный потенциал (включающий профессиональное образование, подкрепленное дополнительным образованием или профессиональной переподготовкой) заметно расширяет шансы получения рабочего места с полной постоянной занятостью.

Достижимость руководящих позиций напрямую связана с наличием высшего образования. Как видно из нижеследующего распределения, этот профессиональный статус в более чем 40% случаев связан с наличием максимального образовательного потенциала, когда образование не ограничивается вузовским дипломом (Таблица 5.8).

Таблица 5.8 – Социально-профессионального статус в зависимости от образовательного потенциала, % по строке

Статус занятости	Образовательный потенциал						Всего
	Нет профессионального образования, нет дополнительного	Нет профессионального образования, есть дополнительное	Начальное или среднее профессиональное образование, нет дополнительного	Начальное или среднее профессиональное образование, есть дополнительное	Высшее образование, нет дополнительного	Высшее образование, есть дополнительное	
Рабочие	18,1	3,7	48,8	19,9	5,6	3,9	100,0
Служащие	8,5	3,1	23,1	21,0	17,3	27,0	100,0
Специалисты	1,1	0,7	20,2	16,7	23,6	37,6	100,0
Руководители	2,8	1,3	13,0	12,7	27,0	43,2	100,0

При рассмотрении уровня дохода работающих с различным образовательным потенциалом видно, что концентрация высоких доходов (пятая группы) происходит среди обладающих наиболее сильным типом образовательного потенциала (Таблица 5.9).

Таблица 5.9 – Уровень дохода работающих в зависимости от типа образовательного потенциала, % по строке

Группы дохода	Образовательный потенциал						Всего
	Нет профессионального образования, нет дополнительного	Нет профессионального образования, есть дополнительное	Начальное или среднее профессиональное образование, нет дополнительного	Начальное или среднее профессиональное образование, есть дополнительное	Высшее образование, нет дополнительного	Высшее образование, есть дополнительное	
1 низкий	17,4	2,2	45,6	17,0	10,0	7,8	100,0
2	11,3	2,3	36,0	21,5	12,9	16,0	100,0
3	9,4	4,0	31,5	23,0	13,8	18,3	100,0
4	7,0	2,2	29,4	19,8	16,5	25,1	100,0
5 высокий	5,1	2,9	21,9	16,5	17,6	36,0	100,0

5.2. Ресурсная роль социальных связей

В основе нашего исследования лежит мысль о том, что сокращение избыточного социально-экономического неравенства лежит не только и не исключительно через осуществление мер социальной поддержки социально уязвимых слоев населения, но через интенсивную социальную динамику, благодаря которой социальные слои, находящиеся внизу социальной иерархии, могут подниматься вверх, опираясь на собственные ресурсы развития. Этот процесс носит название вертикальной мобильности, и ее интенсивность и направленность определяют перспективы сокращения социально-экономического неравенства. Кроме того, интенсивная вертикальная мобильность является одним из условий, обеспечивающих социальную стабильность и общественную интеграцию.

Определяя характер действующих в обществе механизмов вертикальной мобильности, важно определить, на каких ресурсах этот механизм держится. Иными словами, многое зависит от того, какие ресурсы население готово рассматривать в качестве ключевых в сформировавшихся социально-экономических условиях, то есть, какие ресурсы наилучшим образом востребованы и дают лучшую отдачу. Именно к таким ресурсам различные группы населения ищут доступ и стремятся инвестировать в их приобретение.

В рамках исследования было важно установить, какое значение люди придают двум основным социальным ресурсам – высшему образованию и социальным связям (в понимании Коулмана) и какой ресурс считают наиболее эффективным «здесь и сейчас». Таким образом, требуется в конечном итоге определить, с каким типом общества мы имеем дело – с обществом, базирующимся на транспарентных механизмах вертикальной мобильности (массовая ориентация на получение качественного образования) с хорошими перспективами развития человеческого потенциала и основанного на нем роста конкурентоспособности национальной экономики. Или с обществом, в основе которого лежат неформальные социальные связи и взаимодействия, и тогда не следует рассчитывать на прозрачные конкурентные механизмы, что будет тормозить экономический рост.

Ориентация на те или иные ресурсы вертикальной мобильности тестировались с помощью измерения степени согласия с некоторыми утверждениями, смысл которых можно рассматривать в качестве индикаторов соответствующего выбора.

Проанализируем меру согласия с утверждением, что респонденты «имеют достаточно хорошее образование, чтобы получить высокооплачиваемую работу». С этим утверждением согласны 47,5%, не согласны - 45,5% и 6,6% респондентов затруднились с ответом. Рассмотрим некоторые факторы, определяющие согласие или несогласие с данным утверждением.

Выяснилось, что только высший уровень образования и приближение к нему незаконченное высшее может рассматриваться как достаточно надежный ресурс вертикальной мобильности, поскольку согласие с утверждением, что наличие хорошего образования позволяет рассчитывать на хорошую работу, распространяется на более, чем половину соответствующей группы. В то же время следует отметить, что 24,8% респондентов, имеющих высшее образование, не считают его важным и эффективным ресурсом.

Мы не увидели каких-либо значимых различий между возрастными группами, за исключением двух самых молодых групп, в которых наибольшая доля оптимистов, считающих, что получили достаточно хорошее образование для реализации высоких амбиций. Однако даже в этом случае к оптимистическим оценкам склоняются немногим более половины.

Очевидная зависимость наблюдается при анализе распределения по социально-профессиональным группам. Руководители, как видно из приведенной таблицы, в наибольшей степени согласны с утверждением, что образование является важнейшим фактором для устройства на высокооплачиваемую работу, рабочие – в наименьшей степени (Таблица 5.10).

Таблица 5.10 – Мнение о значимости образования в зависимости от социально-профессионального статуса респондентов, % по столбцу

Значимость образования	Социально-профессиональный статус		
	Рабочие	Специалисты	Руководители
Имеют достаточно хорошее образование, чтобы получить высокооплачиваемую работу	36,4	50,5	61,3
Не имеют достаточно хорошего образования, чтобы получить высокооплачиваемую работу	57,3	43,9	34,0
Затруднились с ответом	6,3	5,6	4,7
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>	<i>100,0</i>

Мы также рассмотрели влияние сектора экономики, в которой заняты респонденты. Определилось, что есть отрасль, где в наибольшей степени концентрируются респонденты, считающие, что их образование позволяет рассчитывать на хорошую работу – это финансы (69,4% согласных). Отрасль, где минимальное число согласных – сельское хозяйство (45,3%). Остальные респонденты находятся в соответствующем интервале.

Теперь рассмотрим степень согласия респондентов с утверждением, что «на высокооплачиваемую работу берут только по знакомству». Уже линейное распределение ответов говорит о том, что большинство отвечавших согласны с этим утверждением (63,8%). Попробуем установить, какие социально-экономические характеристики влияют на сложившееся массовое представление о доминирующем механизме социальной динамики.

Хотя понимание чрезвычайной роли социальных связей превалирует во всех образовательных группах, все же прослеживается определенная зависимость снижения ориентаций на этот признак по мере роста уровня образования. Так, среди респондентом с высшим уровнем образования самая маленькая, но все же превышающая половину (!) доля респондентов, ориентирующихся на социальный капитал. Интересно, что нет никаких различий между респондентами, получившими образование разного качества: среди получивших образование высокого качества 80% согласны с тем, что высоко оплачиваемую работу можно найти только по знакомству, а среди тех, кто считает свое образование не особенно качественным, таких 82%.

Нет особенных возрастных различий в ориентации на ресурс социальных связей – данная ориентация хорошо и примерно равным образом представлена во всех возрастных группах.

С повышением социально-профессионального статуса ориентации на социальные связи как ресурс вертикальной мобильности постепенно уходят. Если среди ориентирующихся на этот ресурс рабочие составляют почти 70%, то среди руководителей эта доля уже сокращается до 54%.

Рассмотрение ориентаций на социальный ресурс в разрезе типов поселений свидетельствует о том, что подобный механизм вертикальной мобильности скорее городское «завоевание». Так, из городских жителей на социальный капитал ориентируются 64% соответствующей группы, из жителей поселков городского типа

– 63,8%, то есть здесь мы не видим никакой разницы, а вот среди сельского населения сторонников повышенной роли социального ресурса несколько меньше – 57%. Скорее всего, впрочем, это свидетельствует о суженном предложении труда в сельской местности.

Протестирована степень согласия с утверждением, что «много получает те, кто много работает». Представлялось важным в контексте исследования ориентаций на формальные (образование) или неформальные (социальные связи) ресурсы вертикальной мобильности протестировать степень согласия с утверждением, что «много получают те, кто много работает». Важным это представляется потому, что согласие с этим утверждением одновременно с ориентациями на социальный капитал может свидетельствовать о том, что социальный капитал рассматривается как необходимое, но недостаточное условие вертикальной мобильности.

Данные опроса показывают, что в целом определилось больше противников (52,6%), чем сторонников (40,9%) данного утверждения при 6,4% затруднившихся ответить. Нами рассмотрены возрастные различия, из которых следует, что наибольшая доля согласных представлена в группах до 40 лет.

Скорее всего, несмотря на относительное небольшую долю затруднившихся ответить, на самом деле этот вопрос не проблематизирован в общественном сознании в отличие от другого аспекта данной проблемы – источников материального благополучия элиты. Здесь, как следует из многочисленных опросов, проведенных на эту тему, ясно, что в обществе распространено убеждение, что «все состояния нажиты нечестным путем». При переходе к внеэлитным группам, как мы видим, такого однозначного мнения не сложилось, как не сложились внятные результаты рефлексии по поводу связи содержания труда, его эффективности, производительности и т.д. с размером оплаты. Видимо, мы имеем дело со следствием дисфункций и перекосов на сформировавшемся в России рынке труда с его чрезмерной отраслевой и сегментарной дифференциацией.

Теперь протестируем связь массовые ориентации на меритократический принцип: связь образования с «успехом». Понятие успеха в опросном листе не раскрывалось, поэтому имплицитно в это понятие вложены и карьерные продвижения, и продвижения по шкале материального достатка. Всего 17% респондентов согласны с тем, что «обеспеченные люди добиваются успеха за счет хорошего образования», а 82% опрошенных с этим не согласны. Таким образом

подтвердилась ранее высказанная гипотеза о том, что образование является необходимым, но недостаточным условием успеха.

Вместе с тем, уровень образования респондентов оказывает значительное влияние на соответствующие умонастроения (Таблица 5.11).

Таблица 5.11– Мнение о том, что «В первую очередь за счет хорошего образования можно добиться успеха» в зависимости от уровня образования респондентов, %

Согласие	Уровень образования				
	Нет профес- сионального	Начальное профес- сиональное	Среднее профессио- нальное	Незакончен- ное высшее	Высшее
Согласны	19,9	21,2	16,7	20,5	14,5

Согласие с данным утверждением никак не зависит от возраста респондентов: в каждой возрастной группе, кроме самой младшей, с этим утверждением согласны от 15% до 18% респондентов; максимум – в младшей группе (от 18 до 29 лет. Также нет никакой взаимозависимости между согласием с тем, что образование есть путь к успеху, с размером зарплаты респондентов. В некоторой степени выбор такой позиции зависит от социально-профессионального статуса.

С повышением социально-профессионального статуса степень согласия с тестируемым суждением слабеет. Таким образом, можно говорить о том, что дефицит образования рефлексировается как тормоз для карьерных продвижений, но наличие его высшего уровня не рассматривается достигшими верхних ступеней карьеры как главная и исчерпывающая причина успеха.

Наконец, протестируем уровень согласия с утверждением, что успех главным образом зависит от личных качеств. В целом по выборке с этим утверждением согласны 30,8% респондентов, почти вдвое больше, чем тех, кто связал успех с образованием.

Опора на личные качества в большей степени проявилась у тех, кто достиг более высоких образовательных ступеней, и таким образом можно предположить наличие связи между уровнем образования и усилиями, затраченными на его достижение, то есть личными качествами.

И вот, наконец, утверждение, с которым согласно более половины всех опрошенных: обеспеченные люди добиваются успеха за счет связей и знакомств.

Как мы видим, такое представление о природе успеха в сложившейся институциональной среде не только является наиболее распространенным в российском обществе, его сторонники численно преобладают над теми, кто считает, что главным фактором успеха является образования либо работоспособность и другие качества. Таким образом, приходится подтвердить гипотезу, что в основе восходящей мобильности лежит отнюдь не меритократический принцип, а все тот же социальный капитал, характеризующий не масштаб доверия, что имманентно обществу, основанному на открытой конкурентности, а масштабы трайбалистского социума.

Остановимся на выявлении того, кто в наибольшей степени становится адептом таким образом толкуемых социальных связей. Значимых различий в уровне образования респондентов, являющихся сторонниками данной идеи мы не обнаружили. Признак качества образования вообще не воздействует на значение тестируемого признака. Молодые в несколько большей степени склонны разделять такое мнение (между молодой и старшей возрастными группами составляет 9%).

Анализ парных распределений позволил сконструировать итоговую типологию мнений респондентов относительно доминирующих в обществе механизмов вертикальной мобильности. Нами выделено четыре типа представлений:

1 тип – ориентация на личные усилия (получение высшего образования, работоспособность, другие личные качества) - распространяется на 30,1% респондентов;

2 тип – ориентация на работоспособность, другие личные качества и социальные связи – 14,8% респондентов;

3 тип – ориентация исключительно на социальные связи - распространяется на 46,8% респондентов.

4 тип – ориентация на другие признаки – 8,3% респондентов.

Логика классификации состояла в выделении типов по мере убывания принципа меритократии в ориентациях респондентов. Первый тип соответствует максимальной ориентации на профессионализм, открытую конкурентность, личные усилия в достижении поставленных целей, что является базовыми основами меритократии. При втором типе к вышеперечисленным характеристикам добавляется ориентация на социальные связи, что, безусловно, размывает принципы

меритократии, но не отвергает их полностью. Третий тип – это полный отход от меритократии и скатывание в неотрайбализм

Распределение по типам вертикальной мобильности, преобладание в них самого массового типа, включающего респондентов, ориентирующихся в своих трудовых и социальных перемещениях исключительно на социальные связи, разумеется, свидетельствует о наличии серьезных дисфункций механизма вертикальной мобильности. Подобные дисфункции, во многом являющиеся следствием качества сложившейся институциональной среды, в свою очередь, самым серьезным образом влияют на конкурентоспособность национальной экономики, поскольку, не являясь стимулом роста профессионализма и ответственности, воспроизводят непродуктивные модели социально-экономического поведения.

Обобщая, можно сказать, что в современном российском обществе преобладает тип вертикальной мобильности, при котором восходящие перемещения совершаются, как считают респонденты и на что, соответственно, ориентируются, выстраивая свои модели социально-экономического поведения, исключительно благодаря социальному капиталу. Причем, социальный капитал интерпретируется как социальные связи и знакомства, то есть, как писал С. Коулман, социальные связи являются заменой и компенсацией заблокированных или неразвитых легальных конкурентных путей восхождения социальных лифтов. Важно отметить, что данный тип вертикальной мобильности является, видимо, универсальной моделью социальной динамики в сложившихся институциональных условиях, поскольку практически не зависят от возрастных, образовательных, социально-профессиональных и даже территориальных характеристик.

6. Перспективы социальной мобильности в направлении сокращения социально-экономического неравенства

Использование ресурсного подхода позволило нам построить типологию социальных ресурсов населения с использованием шкалы по 5 квинтилям: низкая – высокая ресурсная обеспеченность.

Проведенный анализ показал огромные различия материально-имущественной обеспеченности населения, условий занятости, образования и здоровья, и все эти признаки по отдельности влияют на социальное самочувствие и перспективы вертикальной мобильности. Для ответа на вопрос о совокупном влиянии этого набора ресурсов человека, мы выстраиваем количественное измерение наличия каждого из них индексом со значениями в интервале от нуля до единицы. Например, респонденты с низким доходом, отнесены к группе, у которой обеспеченность доходами равна нулю, а для представителей верхней квинтильной группы компонента доходов равна единице. Цель классификации – максимально подробно включив в измерение характеристики здоровья, образования, занятости и материального положения респондентов, уловить различия респондентов, выделить наиболее однородные группы населения с точки зрения наличия указанных частных характеристик.

Вклад каждой из составляющих определяется методом главных компонент, с минимальным весом в итоговый стратификатор вошло образование (0,57), и с максимальным – уровень материально-имущественной обеспеченности респондента (0,76). Применение взвешивания позволяет получить монотонный почти непрерывный показатель ресурсной обеспеченности, согласно которому мы выделяем пять равновеликих групп респондентов телефонного опроса. Отметим, что взвешивание не влияет на нижние группы на шкале обеспеченности, и чуть-чуть, в пределах 97% совпадений, меняет расположение респондентов в верхней части шкалы. Но те, у кого есть все, или почти все, заведомо попадают в самую обеспеченную верхнюю группу по ресурсной обеспеченности.

Перечислим факторы, которые были учтены при построении каждого стратифицирующего признака. Образование сочетает в себе уровень образования и

факт получения респондентом дополнительного образования за последние 5 лет. Здоровье основано на субъективной оценке здоровья и наличии инвалидности. Занятость – это статус занятости респондента, постоянность или временность занятости, частичная занятость или занятость на полную ставку в наложении на удовлетворенность респондента своей работой.

Классификация уровня материального положения построена на основе уровня доходов, наличия сбережений, оснащенности быта и жилищных условий. В основу распределения по доходу взяты индивидуальные доходы респондента в сочетании с потребительским статусом и учетом душевого дохода домохозяйства. Сбережения – это факт наличия сбережений, их размер и возможность делать текущие сбережения. Оснащенность быта измеряется наличием предметов из индикаторного списка, в который вошли компьютер, доступ к интернету, включая мобильный, посудомоечная машина и автомобиль. Жилищные условия оцениваются по следующим признакам: отдельность жилья или проживание в коммунальной квартире, общежитии; просторность жилья; необходимость капитального ремонта; и субъективная оценка респондентом своих жилищных условий.

Теперь нашей задачей будет:

- описание полученных типов;
- выяснение того, какие формы социально-экономического поведения, направленные на сокращение неравенства приемлемы для представителей каждого из выделенных типов;
- какие стратегии сокращения социально-экономического неравенства возможны, исходя из имеющегося объема социальных ресурсов.

Начнем с демографических характеристик выделенных типов ресурсной обеспеченности.

Таблица 6.1 - Возрастные характеристики типов, различающихся уровнем развития социальных ресурсов, %

Возраст	Ресурсная обеспеченность				
	Низкая	Ниже среднего	Средняя	Выше среднего	Высокая
18-29 лет	4,4	15,5	24,0	27,5	28,5
30-39 лет	7,0	14,7	22,5	26,0	29,9
40-49 лет	10,9	24,8	20,4	24,9	19,0
50-59 лет	25,2	24,4	18,2	16,3	15,9
Старше 60 лет	52,4	22,0	11,8	6,2	7,8

Из данных таблицы видно, как по мере перехода к старшим возрастам растет наполненность типа с самой низкой ресурсной обеспеченностью (от 4,4% в самой молодой возрастной группе до 52,4% в самой старшей). Распределение по типам ресурсной обеспеченности возрастной группы 30-39 лет более однородно, но вместе с тем, доля соответствующего возрастного контингента в типах с низкой и ниже среднего ресурсной обеспеченностью меньше, чем в тех типах, где ресурсная обеспеченность выше. Следующий возрастной интервал (40-49 лет) уже включает большую долю, чем более молодые группы, тех, чей ресурсный потенциал оценивается как «ниже среднего». В возрасте 50-59 лет становится еще больше тех, кто обладает низко и ниже среднего развитыми социальными ресурсами. И, наконец, в старшей возрастной группе более половины ее представителей являются носителями низкого ресурсного потенциала. В этой же группе только 7,8% респондентов имеют высоко развитые социальные ресурсы.

Заметим, что представленность в группе с высокоразвитым ресурсным потенциалом доходит почти до 30% лишь для молодых когорт. Уже в возрасте 40-49 лет она убывает до 20%, а в следующем возрастном интервале убывает еще на 5%.

Начиная с 50 лет идет не накопление ресурсов, а их сокращение. Эта тенденция имеет некоторые рациональные объяснения. Первое состоит в том, что более молодые возрастные генерации имеют более высокий уровень образования. Но эта тенденция в мире компенсируется включением людей старших возрастов в процесс образования в течение всей жизни, который в нашей стране пока не нашел широкого распространения. Второе объяснение – потенциал здоровья, который, как можно предположить, исходя из полученных данных, не слишком высок. Факт

наличия регулярной занятости и материально-имущественный ресурс, который в принципе должен был бы возрастать на протяжении жизни, видимо, не имеют веса, который мог бы компенсировать дефицит образования и здоровья.

Если раньше, при рассмотрении гендерных различий по отношению к исследуемым признакам мы не видели никаких особых различий, то теперь впервые мы можем констатировать существенные гендерные зависимости, и они далеко не в пользу женщин, которые в два раза чаще, чем мужчины, представлены в группе с самым низким ресурсным потенциалом, и в два раза реже – в группе с самым высоким.

Респонденты с различным социально-профессиональным статусом распределены по объему ресурсов следующим образом.

Таблица 6.2 - Социально-профессиональный статус представителей типов, различающихся уровнем развития социальных ресурсов, %

Социально-профессиональный статус	Ресурсная обеспеченность				
	Низкая	Ниже среднего	Средняя	Выше среднего	Высокая
Рабочие	11,8	27,7	27,4	20,6	12,6
Служащие	5,5	19,9	21,47	28,8	24,3
Специалисты	2,0	10,0	19,8	29,3	38,9
Руководители	2,3	5,5	14,5	25,2	52,4

Здесь зависимость совершенно очевидна: чем выше профессиональный статус респондентов, тем вероятнее они будут представлять тип, характеризующийся высоким уровнем ресурсного потенциала. Причем концентрация более высоко статусных респондентов происходит достаточно монотонно – от рабочего до руководителя с примерно одинаковым ростом представительства, с заметным скачком при переходе к руководителям - с достижением этого статуса существует 50-процентная вероятность попадания в группу с высоким уровнем обладания ресурсами.

Исходя из того, что получение дополнительного профессионального образования есть путь карьерного роста либо смены рабочего места, следствием чего становится рост дохода от занятости, рассмотрим обращение к услугам ДПО представителей групп с разным уровнем ресурсного потенциала. Зависимость здесь выражена чрезвычайно ярко и отчетливо: если в группе с высоким уровнем

ресурсного потенциала 64,3% респондентов получили дополнительное профессиональное образование, то в группе с низким – только 13%, и убывание происходит неуклонно.

Другая стратегия, направленная на повышение материальных и статусных позиций, состоит в том, чтобы переехать в другой город.

Таблица 6.3 - Намерение переехать в другой город представителей типов, различающихся уровнем развития социальных ресурсов, %

Намерение переехать в другой город	Ресурсная обеспеченность				
	Низкая	Ниже среднего	Средняя	Выше среднего	Высокая
Да, скорее да	9,6	22,7	25,8	26,4	15,4
Нет, скорее нет	13,7	25,1	22,5	23,3	15,4

Здесь модальная группа согласных на переезд составляет около четверти каждой группы, выделенной по результатам ресурсной типологии, за исключением групп с самым низким и самым высоким объемом ресурсов. Возможно, в случае респондентов с низким ресурсным потенциалом причина отказа состоит в отсутствие ориентаций на собственные усилия и известном патернализме, а в случае респондентов с высоким ресурсным потенциалом – в уверенности в эффективной занятости без переезда куда-либо. Похожая и даже более выпуклая картина с анализом возможности отъезда за границу.

Таблица 6.4 - Намерение переехать в другой город представителей типов, различающихся уровнем развития социальных ресурсов, %

Намерение уехать за границу	Ресурсная обеспеченность				
	Низкая	Ниже среднего	Средняя	Выше среднего	Высокая
Да, скорее да	5,3	20,0	28,8	26,1	19,8
Нет, скорее нет	14,8	25,4	22,5	24,0	13,4

В группе с минимальным ресурсным потенциалом только 5% респондентов допускают возможность отъезда, а в следующей (с ресурсным потенциалом ниже среднего) уже каждый пятый такую мысль допускает. И далее, с ростом объема ресурсов число допускающих отъезд растет и снижается только при в группе с высоко развитыми ресурсами, оставаясь, впрочем, в пределах 20%.

Посмотрим, какие причины социально-экономического характера влияют на отказ что-либо резко поменять в своей жизни.

Таблица 6.5 - Намерение переехать в другой город представителей типов, различающихся уровнем развития социальных ресурсов, %

Причины отказа что-либо менять	Ресурсная обеспеченность				
	Низкая	Ниже среднего	Средняя	Выше среднего	Высокая
Привыкли так жить	29,9	20,9	21,6	24,8	25,4
Плохое здоровье	20,3	10,7	4,9	3,2	2,1
Недостаток образования	9,6	6,4	5,8	5,1	2,1
Семейные обстоятельства	37,8	44,8	43,3	44,0	38,8

Интересно, что недостаток образования не рассматривается большинством респондентов в качестве значимой причины отказа от решительных действий, хотя, как следует из данных таблицы, в группе с низким ресурсным потенциалом эта причина все же более значима, чем в других группах. В основном причины состоят в инерции (привыкли так жить) и в семейных обстоятельствах, о которых мы не можем судить на основании имеющихся данных, хотя можем предположить в группе с низкой ресурсной обеспеченностью большая доля людей, находящихся в трудной жизненной ситуации (эту гипотезу нужно проверять).

Подводя итог, можем констатировать, что группа с самыми низкими показателями ресурсного потенциала одновременно является группой, для которой в наименьшей степени свойственна не только реальная, но и потенциальная трудовая и социальная мобильность. Но уже следующая группа, чей ресурсный потенциал оценен как ниже среднего, отличается от предыдущей качественно, поскольку включает значительную долю респондентов с ориентациями на выстраивание активных социально-экономических стратегий поведения.

До настоящего момента мы исследовали возможности социальной мобильности, исходя из наличия или отсутствия собственных ресурсов развития. Однако, модели социально-экономического поведения выстраиваются и с расчетом на внешние условия или рамки социальной динамики, как они видятся в субъективном восприятии людей. С целью выяснения представлений об этих внешних рамках сопоставим группы, выделенные на основании ранжирования

ресурсов респондентами, с группами, выделенными по другому основанию – оценке своего текущего экономического положения и перспектив его изменения в будущем.

Таблица 6.6 - Распределение по уровню развития социальных ресурсов и оценке перспектив экономического развития

Ресурсная обеспеченность	Группы, выделенные на основании оценки			
	Стабильно успешные	Успешные с негативными перспективами	Неуспешные с позитивными перспективами	Неуспешные без позитивных перспектив
Низкая	9,2	16,1	20,0	36,3
Ниже среднего	14,2	18,7	22,2	28,6
Средняя	18,3	23,1	28,2	17,8
Выше среднего	25,0	25,1	21,2	12,0
Высокая	33,3	17,1	8,5	5,2
	100	100	100	100

Наблюдается достаточно высокая степень корреляции между данными двумя типологиями, выражающаяся в общей закономерности: чем меньше объем ресурсов – тем менее оптимистичен взгляд в будущее. Но при этом следует обратить внимание на следующее:

- Во-первых, среди респондентов, кто не только рассматривает свое нынешнее экономическое положение негативно, но и не ждет в будущем улучшений, обнаружилась весьма заметная (до 30%) доля обладающих объемом ресурсов «выше среднего» и даже «высоким».
- Во-вторых, еще большая доля обладателей относительно высокоразвитыми ресурсами пребывает в группе с успешным сегодня экономическим положением, но они не надеются сохранить его в будущем.
- В-третьих, среди стабильно успешных (и в настоящее время и в будущем ожидающих достижение высоких показателей собственного экономического положения) имеется небольшая, но все же заметная группа тех, чей объем ресурсов оценен как низкий.

Из этих наблюдений следует, что респонденты в целом имеют достаточно смутное представление об общих параметрах экономического развития страны и своих перспективах адаптироваться к возможным переменам. Эта ситуация препятствует выстраиванию рациональных моделей социально-экономического

поведения, направленного на рост личного и семейного благосостояния и одновременно продуктивных, с точки зрения развития национальной экономики и, в конечном итоге, снижения социально-экономического неравенства. В то же время, такая ситуация не укладывается в общий дискурс стабильности, которая вербализируется как главное достижение текущей социально-экономической политики. Ее (такой ситуации) следствиями является:

- торможение моделей поведения, ориентированных на реализацию собственных ресурсов со стороны контингента, располагающего объемом ресурсов средним и ниже;
- ориентация на эскапистские модели поведения респондентов с высоким объемом ресурсов, что также не работает продуктивно на развитие экономики;
- необходимость продолжения патерналистски ориентированного курса социальной политики в отношении групп населения, располагающего невысоким объемом ресурсов;
- разработку мер соответствующей социальной политики с учетом не только статических (текущий уровень материальной обеспеченности), показателей, но и динамических показателей, прежде всего интенций населения, направленных на повышение уровня образования, как основного ресурса вертикальной мобильности.

Заключение

Важным результатом исследования стал вывод о том, что продолжающее расти социально-экономическое неравенство является следствием, во-первых, неравенства индивидуальных и семейных ресурсов (уровня образования, здоровья, типа и сферы занятости), а, во-вторых, трудностей реализации имеющихся ресурсов (здесь образование и сфера занятости выходят на первый план) в сложившейся институциональной среде. При этом респонденты в большинстве имеют достаточно смутное представление, как об институциональных рамках социально-экономического поведения, так и об общих параметрах экономического развития страны и своих перспективах адаптироваться к возможным переменам. Эта ситуация препятствует выстраиванию рациональных моделей социально-экономического поведения, направленного на рост личного и семейного благосостояния и одновременно продуктивных, с точки зрения развития национальной экономики и, в конечном итоге, снижения социально-экономического неравенства. В то же время, такая ситуация не укладывается в общий дискурс стабильности, которая вербализируется как главное достижение текущей социально-экономической политики. Ее (такой ситуации) следствиями является:

- торможение моделей поведения, ориентированных на реализацию собственных ресурсов со стороны контингента, располагающего объемом ресурсов средним и ниже;
- ориентация на эскапистские модели поведения респондентов с высоким объемом ресурсов, что также не работает продуктивно на развитие экономики;
- необходимость продолжения патерналистски ориентированного курса социальной политики в отношении групп населения, располагающего невысоким объемом ресурсов;
- разработку мер соответствующей социальной политики с учетом не только статических (текущий уровень материальной обеспеченности), показателей, но и динамических показателей, прежде всего интенций населения, направленных на повышение уровня образования, как основного ресурса вертикальной мобильности.

Литература

- Авраамова Е.М. Социально – экономическая адаптация: ресурсы и возможности // Общественные науки и современность. 2002. №5.
- Авраамова Е.М., В.М. Жеребин. / Экономическая политика и социальные приоритеты. Под ред. Е.М. Авраамовой. ИСЭПН РАН. 2011.
- Богомолова Т.Ю. Исследования экономической мобильности населения и социально-экономическая политика государства: анализ американского опыта // Уровень жизни населения регионов России, 2013, №2.
- Бурдяк А.Я. Доступность приобретения жилья в регионах России: динамика и факторы роста // Уровень жизни населения регионов России, 2012, №4 (170).
- Бурдяк А.Я. Обеспеченность населения России жильем: региональные и социально-демографические особенности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки, 8 (2008), 4. С. 3–17.
- Вебер М. Основные понятия стратификации // Социологические исследования. 1994. № 5. с. 147-156.
- Вишневская Н.Т. Минимальная заработная плата: мировой опыт и российская практика // Заработная плата в России: эволюция и дифференциация. Гл. 3 – М., 2007
- Гидденс И. Стратификация и классовая структура // Социологические исследования. 1992. № 9. сс. 112-123.
- Гимпельсон В.Е., Капелюшников Р.И., Лукьянова А.Л., Рыжикова З.А., Куляева Г.В. Формы собственности в России: различия в заработной плате – Препринты. Высшая школа экономики. Серия WP3 "Проблемы рынка труда". 2009
- Гимпельсон В.Е., Лукьянова А.Л. Заработная плата бюджетников: «премия» или «штраф»? // Заработная плата в России: эволюция и дифференциация. Гл. 4 – М., 2007
- Зубаревич Н. Развитие и конкуренция российских агломераций // Экономическая политика, 2008, № 5. С. 15–23.
- Зубаревич Н.В. Города как центры модернизации экономики и человеческого капитала // Общественные науки и современность, 2010, № 5.
- Инглхарт Р., К. Вельцель Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. — 464 с. — (Библиотека Фонда «Либеральная миссия»).
- Ипатова, А.А. Как правильно завершить телефонное интервью // Социологический журнал. 2012. № 4. С.36-61
- Капелюшников Р.И. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? - Препринты. Высшая школа экономики. Серия WP3 "Проблемы рынка труда". 2012. № 04
- Кобзарь Е.Н. Минимальная заработная плата и региональные рынки труда в России - Препринты. Высшая школа экономики, 2009
- Коровкин А.Г., Долгова И.Н., Королев И.Б. Последствия инерционного развития трудового потенциала РФ // Проблемы прогнозирования, 2011, № 6.
- Косарева Н., Туманов А. «О текущей ситуации на рынке жилья» // Экономическая политика, 2009, № 2. С. 102–115.
- Малева Т. М. и др. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста // Российские средние классы накануне и на пике экономического роста.—М.: Экон-Информ. – 2008.

Малева Т. М. Российский рынок труда: эффективность занятости или сокращение безработицы? // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. Гл. 4 / под ред. А. А. Аузана и С. Н. Бобылева. М.: ПРООН в РФ, 2011.

Малева Т. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии. – Гендальф, 2003.

Малева Т., Овчарова Л. Рекомендации по долгосрочным и краткосрочным мерам в социальной политике // Экономическая политика. 2010. № 1. С. 15–26.

Малева Т.М., Овчарова Л.Н. Российские средние классы накануне и на пике экономического роста. М.: Экон-Информ, 2008.

Малева Т.М., Тындик А.О. Потенциал роста рождаемости в России: уроки мегаполиса // Журнал Новой экономической ассоциации, 2013, № 1 (17).

Методологические положения по проведению выборочных обследований населения по проблемам занятости (обследований рабочей силы), утвержденные Приказом Федеральной службы государственной статистики от 21 декабря 2010 г. N 452, 2010.

Министерство обороны РФ. Сведения о численности пенсионеров и инвалидов, состоявших на учете и получавших пенсию в Минобороны России на 1 января 2011 года.

Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, Средние размеры пенсий с 1 апреля 2013 года, <http://www.rosmintrud.ru/pensions/indexing/16>

Ноэль, Э. Массовые опросы: введение в методику демоскопии / 2-е изд.; Пер с нем. М.И. Зайцевой, Л.Н. Крючковой; Общ. ред., вступ. и закл. ст. Н.С. Мансурова. М.: Изд-во «Ава-Экстра», 1993.

Овчарова Л.Н. Теоретические и практические подходы к оценке уровня, профиля и факторов бедности: российский и международный опыт. Учреждение Российской академии наук Ин-т соц. эконом. Проблем народонаселения РАН. – М.: М – Студио, 2009.

Османов Т.Э. RDD выборка номеров мобильных и стационарных телефонов. Опыт использования в России. Выступление на конференции «Кризис в методах опроса и пути его преодоления», Киев. 2011. 28-29 октября.

Османов, Т., Рогозин, Д. Особенности реализации общероссийской выборки трудоспособного населения по мобильным телефонам // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2013а. № 3.

Османов, Т.Э., Рогозин, Д.М. Методическое представление общероссийского опроса по мобильным телефонам, или процедуры оценки качества выборочного исследования на примере трудоспособного населения России // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013b. № 2. С. 40-54.

Ощепков А.Ю. Влияние минимальной заработной платы на неформальную занятость - Препринты. Высшая школа экономики, 2013

Равальон М. Сравнительные оценки бедности // Рабочий документ N 88-R, Всемирный банк, Вашингтон, 1999.

Радаев В. В., Шкаратан О. И. Социальная стратификация. М., Аспект пресс. 1996.

Рогозин Д.М. Влияние интервьюера на доступность респондентов в телефонном опросе // Социологический журнал. 2004. №1/2. С. 75-105.

Рогозин Д.М. Когнитивный анализ опросного инструмента // Социологический журнал. 2000. №3/4. С. 18-68.

Рогозин Д.М. Методологические основания опросов общественного мнения // Пути России: проблемы социального познания / Под общ. ред. Д.М. Рогозина. М.: МВШСЭН, 2006. С. 111-128.

Рогозин Д.М. Открытые вопросы в массовых обследованиях // Социологический журнал. 2001. №3. С. 29-70.

Сапонов Д.И. Мобильные опросы. Влияние способа сбора данных на результат// Мониторинг общественного мнения. 2012. №1 (107). С. 45-51

Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов / Пер. с англ. В.З. Демьянкова // Зарубежная лингвистика II /Общ. ред. В.А. Звегинцева, Б.А. Успенского, Б.Ю. Городецкого. М.: Издательская группа «Прогресс», 1999b. С. 229-253.

Тихонова Н.Е. Социальный либерализм: есть ли альтернатива? // Общественные науки и современность. 2013. №2. С. 32-45.

Чиркунов О. Компактный город // Экономическая политика. 2011. № 2.

Чугунов Д.Ю. Влияние факторов качества образования и социального окружения на стоимость жилья в Москве // Журнал Новой экономической ассоциации, 2013, № 1 (17).

Шарунина А.В. Является ли российский «бюджетник» «неудачником»? Анализ межсекторных различий в оплате труда - Препринты. Высшая школа экономики. Серия WP3 "Проблемы рынка труда", 2012.

Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства, М.: «Лето», 2002.

Шкаратан О.И. Воспроизводство социально-экономического неравенства в постсоветской России: динамика уровня жизни и положение социальных низов // Мир России. 2008. № 4. С. 60-89.

Широв А.А., Гусев М.С., Янтовский А.А., Потапенко В.В. Долгосрочное развитие российской экономики и проблема эффективности использования трудовых ресурсов //Проблемы прогнозирования, 2012, №1.

Argyris, C. 1957. Personality and Organization: the Conflict between System and the Individual. New York: Harper.

B. Dutta (2002) Inequality, Poverty and Welfare / Chapter 12 in Handbook of Social Choice and Welfare, Volume 1, Edited by K.J Arrow, A.K. Sen and K. Suzumura. Elsevier Science.

B. Gauckler, T. Körner Measuring the Employment Status in the Labour Force Survey and the German Census 2011 // Methoden — Daten — Analysen · 2011, Jg. 5, Heft 2, S. 181-205.

Bailar, B., Bailey, L., Stevens, J. Measures of interviewer bias and variance // Journal of Marketing Research. 1977. Vol. 14. P. 337-343.

Bakken, D. Saying goodbye: An observational study of parting rituals // Man-Environment Systems. 1977. Vol. 7. P. 95-100.

Bellet, P.S., Maloney, M.J. The importance of empathy as an interviewing skill in medicine // Journal of the American Medical Association. 1991. Vol. 266. No. 13. P. 1831-1832.

Benus, S., Gravano, A., Hirschberg, J. Pragmatic aspects of temporal accommodation in turn-taking // Journal of Pragmatics. 2011. Vol. 43. No. 12. P. 3001-3027.

Blumberg, S.J., Luke, J.V. Wireless substitution: Preliminary data from the January-June 2006 National Health Interview Survey. [Online] <<http://www.cdc.gov/nchs/products/pubs/pubd/hestats/wireless2006/wireless2006.htm>>

Boelhouwer Peter, Harry van der Heijden Housing Systems in Europe: Part I. A Comparative Study of Housing Policy, Delft University Press, 1992.

Boutain, D.M., Hitti, J. Orienting multiple interviewers: The use of an interview orientation and standardized interview // *Qualitative Health Research*. 2006. Vol. 16. No. 9. P. 1302-1309.

Bruneau, T.J. Communicative silence: Forms and functions // *Journal of Communication*. 1973. Vol. 23. P. 17-46.

Buckle, J.L., Dwyer, S.C., Jackson, M. Qualitative bereavement research: Incongruity between the perspectives of participants and research ethic boards // *International Journal of Social Research Methodology*. 2009. Vol. 13. No. 2. P. 111-125.

Callegaro, M., Steeh, Ch., Buskirk, T.D., et al. Fitting disposition codes to mobile phone surveys: Experiences from studies in Finland, Slovenia and the USA // *Journal of the Royal Statistical Society. Series A: Statistics in society*. 2007. Vol. 170. P. 647-670.

Couper, M.P., Kreuter, F. Using paradata to explore item level response times in surveys // *Journal of the Royal Statistical Society. Series A: Statistics in Society*. 2013. Vol. 176. No. 1. P. 271-286.

Couper, M.P., Singer, E. Informed consent for web paradata use // *Survey Research Methods*. 2013. Vol. 7. No. 1. P. 57-67.

Denisova, I. (2012), "Income Distribution and Poverty in Russia", OECD Social, Employment and Migration Working Papers, No. 132, OECD Publishing. <http://dx.doi.org/10.1787/5k9csf9zcz7c-en>

Dijkstra, W., Ongena, Y.P. Question-answer sequences in survey interview // *Quality and Quantity*. 2006. Vol. 40. No. 6. P. 983-1011.

Dore, J. Conversational acts and the acquisition of language // *Developmental pragmatics* / Ed. by E. Ochs, B.B. Shieffelin. New York: Academic Press, 1979. P. 339-361.

Duncombe, J., Jessop, J. 'Doing rapport' and the ethics of 'faking friendship' // *Ethics in qualitative research* / Ed. by M. Mauthner, M. Birch, J. Jessop, T. Miller. London: Sage, 2002. P. 107-122.

Durrant, G., Kreuter, F. The use of paradata in social survey research // *Journal of the Royal Statistical Society. Series A: Statistics in Society*. 2013. Vol. 176. No. 1. P. 1-3.

Ephratt, M. Linguistic, paralinguistic and extralinguistic speech and silence // *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. No. 9. P. 2286-2307.

Eurofound (2012), Third European Quality of Life Survey – Quality of life in Europe: Impacts of the crisis, Publications Office of the European Union, Luxembourg.

European Commission (2011), Early childhood education and care: Providing all our children with the best start for the world of tomorrow, COM (2011), 66 final, Brussels.

Fowler, F., Mangione, T. Standardized survey interviewing. Newbury Park: Sage, 1990.

Frankel, L.R. The report of the CASRO task force on response rates // *Improving data quality in a sample survey: Proceeding Marketing Science Institute workshop*. 1982. 8th November / Ed. by F. Wiseman. Cambridge: Marketing Science Institute, 1983. P. 1-11.

Goodwin, Ch. The co-operative, transformative organization of human action and knowledge // *Journal of Pragmatics*. 2013. Vol. 46. No. 1. P. 8-23.

Hargie, O., Saunders, C., Dickson, D. Social skills in interpersonal communication. 3rd ed. New York: Routledge, 1994. [Reprinted 1995, 1996, 1998, 1999]

Higgins V. Employment and the Labour Market. Introductory User Guide. ESDS Government, London, 2012.

Hoffman, E., and others. What kind of work do you do? Data collection and processing strategies when measuring “occupation” for statistical surveys and administrative records. STAT Working Papers, No. 95-1. Geneva: International Labour Office, 1995.

Houtkoup-Steenstra, H. Interaction and standardized survey interview. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.

Husmanns, R. Measurement of employment, unemployment and underemployment — current international standards and issues in their application // Bulletin of Labour Statistics, No. 2007-1, 2007.

Husmanns, R., Mehran, F., Verma, V. Surveys of Economically Active Population, Employment, Unemployment and Underemployment: An ILO Manual on Concepts and Methods. - Geneva: International Labour Office, 1990.

Ikegami, T., Lizuka, H. Turn-taking interaction as a cooperative and co-creative process // Infant Behavior and Development. 2007. Vol. 30. No. 2. P. 278-288.

ILO Global Wage Report 2010/11. – Geneva, International Labour Office, 2010

Johannesen, R. The functions of silence: A plea for communication research // Western Speech. 1974. Vol. 38. P. 25-35.

Kreuter, F. Improving surveys with paradata: Analytic uses of process information. New York: Wiley, 2013.

Kreuter, F. Facing the nonresponse challenge // Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2013. Vol. 645. No. 1. P. 23-35.

Kreuter, F., Casas-Cordero, C. Paradata / Working Paper. No. 136. German Council for Social and Economic Data (RatSWD). Berlin, 2010.

Kurzon, D. Discourse of silence. Amsterdam: John Benjamins, 1998.

Kurzon, D. Towards a typology of silence // Journal of Pragmatics. 2007. Vol. 39. No. 10. P. 1673-1688.

Kviz, F.J. Toward a standard definition of response rate // Public Opinion Quarterly. Vol. 41. P. 265-267.

Lane, N.D., Miluzzo, E., Lu, H., et al. A survey of mobile phone sensing // IEEE Communications Magazine. 2010. Vol. 48. No. 9. P. 140-150.

Maat, M., Truong, K.P., Hey, D. How agents’ turn-taking strategies influence impressions and response behaviors // Presence-Teleoperators and Virtual Environments. 2011. Vol. 20. No. 5. P. 412-430.

Mack J., Lansley S. Poor Britain. L.: George Allen & Unwin, 1985.

Maroni, B. Pauses, gaps and wait time in classroom interaction in primary schools // Journal of Pragmatics. 2011. Vol. 43. No. 7. P. 2081-2093.

McGregor, D. M. The Human Side of Enterprise. N.-Y.: McGraw-Hill, 1960.

OECD, Education at a Glance 2013: OECD Indicators, OECD Publishing.

OECD, Health at a Glance 2011: OECD Indicators, OECD Publishing.

Olson, K., Bilgen, I. The role of interviewer experience on acquiescence // Public Opinion Quarterly. 2011. Vol. 75. No. 1. P. 99-114.

Ongena, Y.P., Dijkstra, W. Preventing mismatch answers in standardized survey interviews // Quality and Quantity. 2010. Vol. 44. No. 4. P. 641-659.

Paul Hersey and Ken Blanchard, Management of Organizational Behavior: Utilizing Human Resources, 4th ed., 1982, p. 152. Reprinted by permission of Prentice-Hall, Inc., Englewood Cliffs, N. J.

Pickering, M.J., Garrod, S. Forward models and their implications for production, comprehension, and dialogue // Behavioral and Brain Sciences. 2013. Vol. 36. No. 4. P. 377-392.

Reid-Collins, O. From attitudes of social representations in endangered language research towards an interactional framework // *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2013. Vol. 34. No. 4. P. 366-382.

Richter, L., Kruglanski, A.W. Motivated search for common ground: Need for closure effects on audience design in interpersonal communication // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1999. Vol. 25. No. 9. P. 1101-1114.

Sacks, H., Schegloff, E.A., Jefferson, G. Simplest systematics for organization of turn-taking for conversation // *Language*. 1974. Vol. 50. No. 4. P. 696-735.

Sen, A.K., *Commodities and Capabilities*. Elsevier Science Publishers, Amsterdam, 1985.

Shorrocks, A.E (1982), "Inequality decomposition by factor components", *Econometrica* 50:193-211.

Singer, E., Frankel, M.R., Glassman, M.B. The effect of interviewer characteristics and expectations on response // *The Public Opinion Quarterly*. 1983. Vol. 47. P. 68-83.

Smarter Regulations for Small and Medium-Size Enterprises, <http://www.doingbusiness.org/reports/global-reports/doing-business-2013>.

Sprecher, S., Treger, S., Wondra, J.D., Hilaire, N., Wallpe, K. Taking turns: Reciprocal self-disclosure promotes liking in initial interactions // *Journal of Experimental Social Psychology*. 2013. Vol. 49. No. 5. P. 860-866.

Standard definitions: Final dispositions of case codes and outcome rates for surveys. 7th ed. / The American Association for Public Opinion Research. Deerfield, IL: AAPOR, 2011.

Sudman, S., Bradburn, N.M. *Asking questions: A practical guide to questionnaire design*. San Fransisco: Jossey-Bass Publishers, 1982.

T. Piketty (2000) *Theories of Persistent Inequality and Intergenerational Mobility* / Chapter 8 in *Handbook of Income Distribution*, Volume 1. / Edited by A. B. Atkinson and F Bourguignon. Elsevier Science p. 436

Townsend P. *Poverty in the United Kingdom. A Survey of household resources and standards of living*, N.Y., 1979.

Tucker, C., Brick, M.J., Meekins, B.J., Morgenstein, D. Household telephone service and usage patterns in the US in 2004 // *Proceeding survey research methods section American Statistical Association*. 2005. P. 4528-4534.

Vehavar, V., Berzelak, N., Manfreda, K.L. Mobile phones in an environment of competing survey modes: Applying metric for evaluation of costs and errors // *Social Science Computer Review*. 2010. Vol. 28. No. 3. P. 303-318.

Warnicke, C., Plejert, C. Turn-organization in mediated phone interaction using video relay service (VRS) // *Journal of Pragmatics*. 2012. Vol. 44. No. 10. P. 1313-1334.

West, B.T., Kreuter, F. Factors affecting the accuracy of interviewer observations: Evidence from the National Survey of Family Growth // *Public Opinion Quarterly*. 2013. Vol. 77. No. 2. P. 522-548.

World Bank, *World Development Report 2013: Jobs*. Washington, DC: World Bank